

ISSN 0869—4788

10 **апрель**
102РА

4.92

Фото Л. Березницкого.

ЮГРА
№ 4, апрель 1992

Издается
с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов
(Редактор)

Л. В. Луцай
Т. А. Молданова

Технический редактор
Н. Б. Баталова.

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Сдано в набор 25.03.92.
Подписано в печать 23.04.92.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,74. Уч. изд. л.
4,48. Тираж 4000. Заказ
№ 1019. Цена 2 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации админист-
рации Курганской области.
641800. г. Шадринск, ул.
Спартака, 6.

Историко-культурный журнал.
Учредители — администрация
Ханты-Мансийского автоном-
ного округа и нефтяная ак-
ционерная компания «Аки-
Отыр».

В номере:

М. Горький. Речь на московском пуб- личном собрании общества «Куль- тура и свобода»2
Добро (Из этического словаря прош- лого века)5
Е. Немысова. Рождается институт .	.6
В автономных округах России	8
С. Кожевникова. В портфеле «Северного дома»	9
И. Шевелева. Из далеких времен дошедшие	10
Л. Луцай. Дом, который построил Борьков	12
В. Чирков. Пакостники15
Н. Зольников. Живая вода16
П. Бахлыков. История, быт, культура юганских ханты (продолжение)19
А. Хромова. Найотыр ма — земля предков28
«Северные архивы»29
А. Первов. Березов, городок детства... «О нашей жизни»36 .41
С. Елпатьевский. Очерки Сибири. Томск46
А. Тарханов. Стихотворения49
Н. Коняев. Коршун. Фролыч и Болтун. Рассказы52
Е. Грошева. Преждевременная экспедиция (продолжение)57
Как построить лодку63
В. Назаров. Рубиновые капли64

М. Горький

РЕЧЬ НА МОСКОВСКОМ
ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ
ОБЩЕСТВА
«КУЛЬТУРА И СВОБОДА»

ДОКАЗЫВАТЬ необходимость культурно-просветительной работы излишне, эта необходимость очевидна, о ней красноречиво взывают и грязный камень наших мостовых, и вековая грязь сердца и мозга людей. Теперь более ясно, чем когда-либо раньше, мы видим, до чего глубоко заражен русский народ невежеством, до какой жуткой степени ему чужды интересы своей страны, какой он дикарь в области гражданской и как младенчески неразвито в нем чувство истории, понимание своего места в историческом процессе.

Говоря «русский народ», я отнюдь не подразумеваю только рабоче-крестьянскую, трудящуюся массу, нет, я говорю вообще о народе, о всех его классах, ибо — невежественность и некультурность свойственны всей русской нации. Из этой многомиллионной массы темных людей, лишенных пред-

ставления о ценности жизни, можно выделить лишь незначительные тысячи так называемой интеллигенции, т. е. людей, сознающих значение интеллектуального начала в историческом процессе. Эти люди, несмотря на все их недостатки, самое крупное, что создано Русью на протяжении всей ее трудной и уродливой истории, эти люди были и остаются поистине мозгом и сердцем нашей страны. Их недостатки объясняются почвой России, неплодородной на таланты интеллектуального характера. Мы все талантливо чувствуем — мы талантливо добры, талантливо жестоки, талантливо несчастны, среди нас немало героев, но мало умных и сильных людей, способных мужественно исполнять свой гражданский долг — тяжелый долг в русских условиях. Мы любим героев — если они не против нас, — но нам не ясно, что героизм требует эмоционального напряжения на один час или

на день, тогда как мужество — на всю жизнь.

Культурная работа в условиях русской жизни требует не героизма, а именно мужества — длительного и непоколебимого напряжения всех сил души. Сеять «разумное, доброе, вечное» на зыбучих болотах русских — дело необычайной трудности, и мы уже знаем, что посевы лучшей нашей крови, лучшего сока нервов дают на равнинах российских небогатые, печальные всходы. А, тем не менее, сеять надо, и это дело интеллигента, того самого, который ныне насильно отторгнут от жизни и даже объявлен врагом народа. Однако, именно он должен продолжать давно начатую им работу духовного очищения и возрождения страны, ибо кроме него другой интеллектуальной силы — нет у нас.

Спросят: а пролетариат, передовой революционный класс! А — крестьянство?

Я думаю, что нельзя серьезно говорить о всей массе пролетариата как о силе культурной, интеллектуальной. Может быть, это удобно для полемики с буржуазией, для застрашивания ее и для самоободрения, но это излишне здесь, где, как я думаю, собрались люди, искренно и глубоко озабоченные будущим страны. Пролетариат в массе его — только физическая сила, не более; точно так же и крестьянство. Иное дело, молодая исторически, рабочая и крестьянская интеллигенция, это, конечно, сила духовно-творческая и, как таковая, ныне она так же отколота от своей массы, так же одинока среди нее, как одинока и отколота от всей массы трудящихся наша старая, каторжная интеллигенция — каторжная не потому только, что часть ее бывала на казенной каторге, а по всем условиям ее существования в России, по всей ее жизни и работе.

Мне кажется, что первым должным делом следует признать необходимость объединения интеллектуальных сил старой опытной интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интелли-

генции. Схема Всероссийской культурно-просветительной работы рисуется предо мною в таких линиях:

Прежде всего — самоорганизация всей интеллигенции, которая ныне поняла и почувствовала, что на одних политических программах, на политической пропаганде невозможно воспитать нового человека, что путь углубления вражды и ненависти ведет людей к долному озверению и одичанию, что для возрождения страны необходима немедленная напряженная культурная работа и что только это освободит нас от врагов внутренних и внешних.

Концентрация сил — первейшая задача дня и, концентрируя интеллектуальные силы страны, следует вовлечь в массу интеллектуальных работников весь запас рабоче-крестьянской интеллигенции, всех рабочих и крестьян, которые ныне бессильно и одиноко бьются в среде, родной им физически, но уже духовно чуждой, развращенной цинической демагогией искренних фанатиков или замаскированных авантюристов. Эти силы имеют огромное значение железного звена, посредством которого старая интеллигенция будет прочно соединена с массой и получит возможность непосредственного влияния на нее.

Концентрируя силы, объединив их со свежими силами рабоче-крестьянской интеллигенции, деятели культуры должны озаботиться координированием своей работы — это необходимо в целях экономии энергии, которой не так много у нас, это необходимо и для устранения параллелизма в работе.

Покрыв всю страну сетью культурно-просветительных обществ, собрав в них все духовные силы страны, мы зажжем повсюду костры огня, который даст стране и свет, и тепло, поможет ей оздороветь и встать на ноги бодрой, сильной и способной к строительству и творчеству. Речь идет не о внешнем и механическом соединении людей, разно мыслящих, но о внутреннем и живом слиянии едино чувствующих. Только так и только этим путем мы

выйдем к действительной культуре и свободе.

Предвижу возражения: — а политика!

Надо встать над политикой, надо научиться и уметь ограничивать свои политические эмоции. При желании — это возможно. Политика является чем-то подобным низшим физиологическим потребностям, с тою неприятною разницей, что потребности политические неизбежно совершаются публично.

Политика, кто бы ее ни делал, всегда отвратительна, ибо ей неизбежно сопутствуют ложь, клевета, и насилие. И, так как это правда, ее все должны знать, а это знание, в свою очередь, должно внушить сознание преимущества культурной работы над политической.

Более серьезной помехой культурной работе является наблюдаемое на почве голода и разочарований понижение жизнеспособности интеллигенции, апатия, все более угнетающая ее.

С голодом надо бороться развитием взаимопомощи среди лиц интеллектуального труда, а что касается до «разочарований» в народе, в социализме, в России, — думаю, что я не сумею ничего сказать по этому поводу.

Конечно, лучше бы не поддаваться в свое время очарованию, ибо решительно ничего очаровательного в русском народе никогда не было, но уж если увлеклись и разочаровались, — тут ничего не скажешь. Очарование — дело веры, разочарование — возмездие за слепую веру. От разочарования хорошо помогает знание, и это единственное, что можно рекомендовать разочаро-

ванным. Лично я всю жизнь во всех моих чувствах, и мыслях, и делах отправлялся от человека, будучи навсегда и непоколебимо убежден, что существует только человек, все же остальное есть его мнение и его деяние.

И в эти дни, страшные для всех, для всей страны, созданной множеством поколений, воспитавших нас такими, каковы мы есть, в эти дни безумия, ужаса, торжества глупости и пошлости, я помню одно: все это от человека идет, все это он творит...

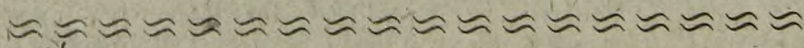
И он же сотворил все прекрасное на земле, всю поэзию ее, все великолепные подвиги мужества и чести, все радости и праздники жизни, всю прелесть ее, ее смешное и великое, ее красивые мечты и чудесные науки, он создал свой дерзкий разум и непреклонную волю к счастью.

И это он, человек, всегда во все дни трагедий, страданий, мук — упрямо верующий в победу новых добрых начал над старыми и злыми, это он, непобедимый ничем, соединил нас здесь для дружеской человеческой беседы.

Пойдемте же к человеку, который и грязно, и много грешен, но — искупает грязь и грех величайшими, невыносимыми страданиями.

Можем ли мы создать атмосферу, в которой человеку дышалось бы легче! И можем, и должны.

(Газета «Новая жизнь»,
№ 126 (341). 30 (17) июня 1918 г.)

ДОБРО

При чтении русских писателей, архивных рукописных источников, частной переписки XIX века нельзя не видеть большого разнообразия слов, используемых для выражения всяческих оттенков человеческих отношений и душевных переживаний.

«...я не перестаю верить долготу, очень долготу продолжению нашей дружбы; не перестаю верить, что судьба назначила нас для взаимного подкрепления, необходимого в трудной и по сие время в неприятной моей жизни. Отнять у меня столь сладостные надежды значило бы не оставить уже ничего в мое утешение...». «Прости, любезный друг, ради бога, пиши чаще и верь вечной и неременной к тебе преданности...».

Это из нашего эпистолярного наследия. А ныне такие слова, как «почтительность», «чистосердечие», «благочестие», «приверженность», «милость», «кротость», имевшие столетие назад широкое хождение, исчезают из повседневного употребления. Устремившись в будущее, подчинив ему свое настоящее, мы многое отбросили, как хлам, как предрасудок. Нам теперь чужды сентиментальность, восторженность, нежные изливания.

А давайте задумаемся: потеряли ли для общества значение эти слова, или это мы до такой степени «упростились», что душевные движения, которые не были лишними тогда, теперь не нужны? Зададим себе часто звучащий ныне вопрос применительно к нашим предкам: зачем им это (было) надо? И попытаемся сами ответить, вчитавшись в страницы словаря В. И. Даля. Может быть, неторопливые раздумья над смыслом уходящих в забвение слов помогут нашему душевному здоровью, дорогой читатель?

Добро. Поразительна многозначность

этого русского слова, имеющего десятки производных. По Далю, это все доброе: имущество, достаток, стяжание; благо; что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположное худу и злу. Есть и другие значения. Богатую наполненность слова подтверждают многие пословицы и поговорки.

Час в добре побудешь, все горе забудешь.

Кто живет в добре, тот ходит в серебре. Было добро, да давно; а будет вперед, да горе берет.

Добра не смыслишь, так худа не делай. Кинь добро назад, очутится наперед. Добра не весят худом.

Много желать (затевать), добра не видать.

От добра древа добрый плод.

Доброе дело само себя хвалит.

«Добрый», — говорят о человеке, если он дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный; добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу; мягкосердный, жалостливый.

Добродушие — добросердие, добросердечие, душевное расположение к добру; доброжелательство, готовность сочувствовать, жалостливость, мягкосердие.

Добродетель — доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла.

Доброжелатель — желающий добра, доброхот, добродей, благожелатель.

Добреть — плотнеть, толстеть, тучнеть, жиреть; становиться добрее, милостливее, укрощая и исправляя себя.

Есть в этой словарной семье и такие слова, которые нынче звучат редко или вообще уже мало кому знакомы, хотя прежде россияне ими активно пользовались: добротность, добряк, доброгласие, добромыслие, добронравие, добротворец, добротчестивый...

РОЖДАЕТСЯ ИНСТИТУТ

Научно-исследовательский институт социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа создан по решению окрисполкома 1 декабря 1991 года на базе трех структурных единиц: кафедры национальных систем образования окружного института повышения квалификации, лаборатории комплексных исследований духовной культуры, этнографии, языка, фольклора обско-угорских народов и лаборатории НИИ национальных проблем образования.

Соединить научный потенциал нашего округа в одну структурную единицу — такая необходимость возникла уже давно. Я вынашивала несколько лет эту идею — всем вместе поднимать проблемы, которые связаны с развитием, возрождением наших традиций, ремесел, языка, культуры. А мы были в разных системах: одни в институте национальных школ, другие, как Евдокия Ивановна Ромбандеева — в институте языкознания. Я, например, работала больше в народном образовании, над созданием учебников. А вопросы социально-экономические вообще никак у нас не изучались представителями коренных народов, поэтому-то в структуре нашего института как раз этот отдел самый сложный. Лингвистические, педагогические проблемы мы еще как-то решаем, находим сотрудников, разрабатываем учебники, ведем исследования, скажем, по этнографии, культуре. А вот по социально-экономическим вопросам — очень трудно.

В структуре нового института несколько отделов. Один из них — отдел экономики, социальных проблем, права, в нем предполагается два сектора: сектор экономики традиционных отраслей и сектор природопользования. Я думаю, можно подобрать интересных работников в этот сектор, но сейчас пока он не укомплектован. О секторе социальных проблем и права. Правом вообще коренные народы не занимались в советской системе. Необходимо изучить опыт управления малочисленных народов не только нашего Севера, но и зарубежного и на его основе выработать уже свои формы управления. В этом отделе ведет исследовательскую работу кандидат экономических наук Терентий Герасимович Харамзин, он же — заместитель директора по науке.

Отдел языка, литературы и фольклора. В нем у нас пока два сектора: хантыйского и мансийского языка. Руководит отделом кандидат филологических наук Евдокия Ивановна Ромбандеева — известный лингвист, филолог, ученый с мировым именем. Ее научный труд «Синтаксис мансийского языка» переведен на немецкий язык. Сейчас во Франции предполагается подготовить учебник по хантыйскому и мансийскому языкам для французов, которые занимаются на финно-угорской кафедре крупного научно-исследовательского центра. А сектором хантыйского языка, литературы и фольклора заведует молодой ученый Валентина Николаевна Соловар. Она только в январе защитила диссертацию по синтаксису хантыйского языка. В подготовке молодых специалистов по лингвистике мы имеем очень хороших научных консультантов в Сибирском отделении Академии Наук, институте филологии в лице Майи Ивановны Черемисиной, доктора филологических наук, и специалиста по мансийскому языку Елены Константиновны Скрипник, которая нам оказывает научно-методическую помощь в организации секторов языка, литературы и фольклора.

Отдел национально-культурного возрождения. В нем есть сектор истории и этнографии, заведует им Александра Матвеевна Тахтуева. У нее уже есть опыт научной работы, она описывает материальную культуру угутских ханты. Сектором

культуры и искусства заведует Маина Афанасьевна Лапина. И в этом отделе есть еще очень интересный сектор народной медицины. Сотрудников пока еще только подбираем. Хотелось бы, чтобы в институте, во всех его отделах работали ханты, манси, ненцы, коми.

В ходе первой стадии организации института возник отдел, который мы назвали отделом инновационных процессов образования, или, по-другому, систем обучения детей обско-угорских народов. В этом отделе тоже несколько секторов. Прежде всего — сектор школьных программ, учебников и пособий. Он был создан несколько лет назад в окружном институте повышения квалификации и назывался кабинетом по написанию учебников. И когда я отнесла этот сектор в отдел языка, литературы и фольклора, он как-то там не вписывался, поэтому и образовался отдел. Это уже слаженный коллектив. В нем несколько преподавателей хантыйского или мансийского языков работают над созданием учебников. Это, например, Галина Алексеевна Обатина. Разрабатывая учебник для 5—6 классов, она одновременно ведет уроки хантыйского языка в Казымской школе. В этом секторе работают над учебниками Евдокия Николаевна Вожакова, Светлана Павловна Кононова, Аграфена Семеновна Сопочина, которая уже имеет опыт подготовки учебников для первых-четвертых классов.

Вся проблема в том, что мы этих учебников пока не имеем в школе. Это очень долгий процесс — издание учебников. На сегодня мы почти не имеем учебников на сургутском диалекте. Букварь должен был выйти в сентябре этого года, но из-за технических сложностей срок выпуска перенесли до конца года. Уже и следующие учебники на выходе, но все зависит от того, как в издательстве будут работать.

И еще в этом отделе мы придумали сектор моделирования школ для обучения детей обско-угорских народов. Мы хотим создать школу нового типа, чтобы в центре образования, обучения и воспитания была наша культура, наш язык, традиционные промыслы, ремесла и на основе укоренения детей в свою среду, культуру, в свой язык в дальнейшем они могли усваивать культуру другого народа и вообще познавать мир. Тогда, вероятно, им легче будет жить в наше трудное время. А пока мы их отрываем от родителей, традиций, сразу начинаем приобщать к чужой культуре, чужому образу жизни. Создаем сейчас новую школу. Мы назвали ее «Казум-Каш». Это Казымская культурно-антропологическая школа, вневедомственное образовательное учреждение нового типа. Директор «Казум-Каш» — Ольга Александровна Кравченко, учительница Казымской школы.

В этом отделе есть также сектор этнопсихологии и этнопедагогики, который будет работать с учетом психологических особенностей детей ханты и манси, национальных традиций семейного воспитания. У народа очень богатый опыт, и мы будем его изучать, описывать и внедрять в жизнь.

Следующий отдел — издательско-библиотечный, архивно-музейный. В задачу руководителя библиотечного сектора будет входить создание научной библиотеки по финноугроведению и художественной библиотеки народов ханты, манси и других малочисленных народов Севера. Если у кого из сотрудников появится желание отдать свои единственные экземпляры научных книг в нашу библиотеку, мы будем это приветствовать. Лично я свою библиотеку по финноугроведению кладу в основу этой научной библиотеки. Эта идея зародилась у меня еще тогда, когда свою личную библиотеку мне завещала Юлия Николаевна Русская. При ее жизни я спрашивала, как распорядиться библиотекой. «На твое усмотрение», — отвечала она. И вот сейчас, когда я нашла такую хорошую возможность создать научную библиотеку по финноугроведению, я спокойна. Начало положила Юлия Николаевна, а я свою научную библиотеку полностью передаю институту.

Конечно, хочется, чтобы архивный отдел был, чтобы хранились там рукописи,

а в библиотеке — старые учебники, написанные на хантыйском, мансийском языках в 30-е годы, 40-е, 50-е, 60-е. Мы даже по экземпляру не можем найти. Это большая трагедия для нас. И даже те учебники, которые мы начали издавать в 80-е годы, тоже не будут иметь настоящего хозяина, пока не будет этой библиотеки. В музейном отделе хорошо было бы собрать экспонаты редкостные, которые мы можем на русском языке долго описывать и искать точные слова, но пока не посмотрит человек живой предмет, его трудно будет представить. Такие предметы должны у нас быть. Поэтому и планируем такой библиотечно-музейно-архивный отдел.

Конечно, очень много организационных проблем: кадры, административное здание. Очень трудно. Я взялась только за организацию института и в любое время могу передать эту работу человеку, который способен возглавить институт, и перейти, скажем, в сектор языка, литературы, фольклора. В связи с моей деятельностью последних лет — созданием учебников, моделированием новых школ, мне очень близки инновационные процессы образования, и есть что молодым посоветовать, порекомендовать. Положили начало созданию «Казум-Каш». К этой мысли я пришла не в один день, а в течение всей жизни, долго примерялась. И опыт мой будет эффективен тогда, когда я буду с людьми работать.

Е. Немысова,
директор института.

В АВТОНОМНЫХ ОКРУГАХ РОССИИ

Выставкой работ художника В. В. Можяева открылся в столице Коми-Пермяцкого автономного округа выставочный зал. В экспозиции более 70 живописных и графических работ, деревянных скульптур, которые открывают автора зрителю как разностороннего мастера и человека, влюбленного в свой край, его природу.

В дальнейшем площади зала будут предоставлены и другим художникам. Жители округа получают возможность полнее познать мир искусства своего края, увидят многие произведения как зрелых мастеров, так и учащихся школы искусств, специализированного профтехучилища, кружковцев Дворца пионеров.

Разнообразные тканые, вязаные, шитые и вышитые изделия создаются руками Нины Ивановны, а точнее — не изделия, а художественные произведения: полотенца с изображениями петухов радужных расцветок, голубей, лилий, незабудок, гвоздик, покрывала, скатерти, накидки... Ни один узор в работах не повторяется, каждая уникальна, потому что она и дорожит ими, хотя и охотно дарит. Только полотенце раздарено ею добрым людям более пятисот. Щедро отдает замечательная рукодельница и свои знания и навыки — внучкам и всем, кто заинтересуется. В деревнях стали забывать уже ткацкое ремесло, выбрасывают станки, а Нина Ивановна помогает возродить древнее искусство.

70-летие народной мастерицы Н. И. Бражкиной из деревни Ананьево Кудымкарского района отметили земляки.

г. Кудымкар, Пермская обл.

В ПОРТФЕЛЕ «СЕВЕРНОГО ДОМА»

Сейчас в стране многое меняется, и это самым прямым образом коснулось издательств. Убирается из планов морально устаревшая литература. На всем сказывается дефицит и возрастающая цена бумаги. Наш «Северный дом» это коснулось в полной мере, и тем не менее на первом месте у нас стремление издавать оригинальные рукописи, а не зарабатывать, подобно кооперативам, исключительно на переизданиях. В этом году решено выпустить несколько серий книг: «К 400-летию Сургута», «Мир делового человека», «Сургутские мемуары», «Моя первая книга», «Сибирская проза», а кроме этого — литературу на языках малых народностей, фольклор, изопroduкцию.

«Растянувшееся время огромно, как озеро, как эхо войны», — так начинаются «Песни медвежьего игрища». Это название удивительной и уникальной книги, которую готовит А. Песикова-Сопочина, заведующая редакцией национальной литературы.

Роман Б. Зуйкова «Белогорье» — о жизни охотников и геологов, лесоразработчиков и крестьян. Это гимн природе, страдающей от вторжения цивилизации. Роман увлекает динамикой диалогов, ярким описанием лесных картин, выразительностью композиции.

Книгу стихов для детей «Восемь маленьких щенят» написали сургутские поэты С. Сметанин и С. Пивоваров. Ребята познакомятся с полюбившимися им животными и зверями, узнают о замечательном подвиге зайца-нинзя, об увлечениях и проблемах своих сверстников.

Редакция публицистической литературы представляет книгу Р. Гольдберга «Тайна «особой папки» — цикл очерков о малоизвестных страницах недавнего прошлого Тюменской области. Есть старое присловье: «Об этом многие знают многое, все — что-нибудь и никто — достаточно». Сказанное в полной мере относится к тому, о чем рассказывается в книге. Вместе с автором читатель пройдет дорогой поиска, откроет страницы забытых или неизвестных документов, которые долгие годы хранились в секретных архивах, «особых» папках.

Книга полярного исследователя Г. Бардина «От Чукотки до Антарктиды» заинтересует любого северянина. Автор — очень наблюдательный человек, он умеет и в других разбудить дух романтизма и приключений, пишет образно, интересно, увлекательно.

В плане издательства книга тюменского писателя К. Лагунова «Диалог на айсберге». Это заметки писателя, посвященные Тюмени, столице нефтегазового комплекса, где в тугой узел сплелись противоречия интересов разных ведомств и властей.

Людам с аналитическим складом ума рекомендуем книгу кандидата филологических наук В. А. Рогачева «Философская галерея». Автор размышляет о концепциях Соловьева, Бердяева и других мыслителей. А для любителей фольклора и в особенности — юного поколения этот же автор, преподающий в Тюменском университете детскую литературу, готовит «Легенды и сказки тюменского края».

Для людей, умеющих делать выводы самостоятельно, написаны книги Ф. Я. Показаньева «10 страниц истории» и В. И. Николаенко «Это было их время». Фактический материал об истории Сургута, собранный авторами из архивов, музеев, и их личные впечатления заслуживают пристального внимания.

Готовятся к изданию рукописи поэта Н. Шамсутдинова «Слово не воробей» (сборник фельетонов, пародий) и «Приезжайте к нам» (стихи для детей). Выйдут сборники стихов сургутских поэтов Л. Сидорова, Д. Сергеева, Н. Майбороды. Сделаны заявки на книги об Урае, Ноябрьске, Нижневартовске, фотоальбом «Ханты-Мансийский округ». Историков порадует «Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири (1032—1882)», книга «Политическая ссылка Сибири» (редактор-составитель Л. Цареградская). Преподаватель музыкальной школы А. Ложкин (сургутянин) предложил две книги по фольклору.

Есть в плане «Северного дома» и переиздания (А. Дюма, Н. Рубцов, Д. Лондон). Но закончить это краткое знакомство с планом издательства хочется упоминанием о наших известных не только на севере писателях А. Тарханове, Е. Айпине, А. Неркаги. Скоро от них поступят рукописи новых произведений.

Творческих удач вам, земляки, и пусть Муза гостит у вас почаще и подольше!

**С. Кожевникова, ведущий редактор
АИИК «Северный дом».**

ИЗ ДАЛЕКИХ ВРЕМЕН

ДОШЕДШИЕ...

Отдел краеведческой литературы и библиографии окружной библиотеки как самостоятельное подразделение существует больше года. Его цель — собрать в фонде печатную продукцию по истории, культуре, этнографии, фольклору края.

При содействии библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина мы стали счастливыми обладателями очень редких и ценных книг. Правда, это только копии, полученные с оригиналов, но и они представляют для нас ценность. Вот некоторые из этих изданий.

Книга Хрисанфа Лопарева «Самарово» 1896 года издания. Говоря об этом издании, нельзя не сказать несколько слов об авторе. Хрисанф Лопарев — уроженец села Самарова, сын крестьянина, был двенадцатым ребенком в семье. По всем жизненным обстоятельствам ему надлежало повторить путь своих предков. И лишь по счастливой случайности жители Самарова, решив ознаменовать визит в их село великого князя Алексея Александровича, отправили учиться в Тобольскую гимназию одного мальчика. Им и оказался Лопарев. Окончив гимназию и поступив в Петербургский университет, Лопарев, еще будучи студентом, замыслил написать историю родного села. Материалы собирал в архивах Тобольска и Москвы, в самом Самарово. Он донимал односельчан многочисленными письмами с просьбами сообщать ему о каждой мелочи в жизни села.

В 1892 году вышло первое издание его труда. А спустя четыре года Лопарев выпустил второе издание, значительно дополненное. Кроме исторического, бытового, этнографического материала, в книгу вошли образцы говора села Самарово и словарь остяцких и самоедских слов.

Особое внимание мне хочется уделить книге Герхарда Фридриха Миллера «История Сибири», вышедшей в 1737 году.

Родившийся в 1705 году в Германии Г. Ф. Мюллер приехал в Россию двадцатилетним юношей, вряд ли подозревая, что в этой далекой стране ему суждено прожить более полувека и сделать для русской науки так много, что и 200 лет спустя после смерти его имя будет на устах многих ученых. В России его фамилию стали почему-то писать через «и», а именовать Федором Ивановичем.

Ко времени царствования Елизаветы Петровны Миллер уже несколько лет жил вдали от Петербурга, в Сибири. Нет, сослан он не был. В Сибирь поехал добровольно в составе академического отряда Великой Камчатской экспедиции, возглавляемой знаменитым Витусом Берингом.

Во время своего десятилетнего (1733—1743) путешествия он посетил почти все крупные населенные пункты Урала и Сибири, в том числе Сургут и Березов. Обследуя местные архивы, собирая документы, записывая рассказы старожилов, сведения об обычаях, Миллер подготовил и издал капитальный труд «История Сибири» в двух томах. Следует заметить, что это не единственная его работа. Есть серия статей по отдельным проблемам, коллекция документов по истории Смутного времени, географические описания городов и областей.

Давно стал библиографической редкостью трехтомник Александра Александровича Дунина-Горкавича «Тобольский Север», вышедший в начале нашего века в Тобольске. Кому посчастливилось держать в руках эту уникальную работу, согласится со мной, что этот труд — энциклопедия по истории, этнографии, быту, обычаям прошлого столетия Тобольского края.

Дунин-Горкавич прибыл на Тобольский Север, имея за плечами русско-турецкий поход, двадцатилетний опыт работы в Царскосельском лесничестве, лесах Самарской и Нижегородской губерний. По всей вероятности, Александр Александрович не думал, что в Сургуте, а позднее в Тобольске он проживет до конца своих дней и вся его жизнь будет посвящена изучению Тобольского края.

Он заведовал Самаровским и Сургутским лесничествами. Параллельно вел исследования лесных и рыбных богатств Севера. Его личный интерес к краю, остяцкому и вогульскому народам выходил за рамки службы.

В различных периодических изданиях, в том числе и «Ежегоднике Тобольского музея», публиковались его научные труды «Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском Севере», «Иногородцы Тобольского Севера» и др. Копии этих трудов совсем недавно появились и у нас.

Труд географа, этнографа, историка, краеведа Дунина-Горкавича не остался незамеченным. В 1903 году Александр Александрович избирается пожизненным членом Русского Географического общества и за всю совокупность ученых работ по географии Тобольского Севера получает большую серебряную медаль им. Н. М. Пржевальского. А с августа 1926 г. Академией Наук Александр Александрович причислен к разряду ученых общесоюзного значения. Ему была присвоена пожизненная персональная ежемесячная пенсия в размере 100 рублей.

Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы. В неравной продолжительной борьбе иссякли силы маленького народа. Тогда-то и создал вогульский народ былинку о Мадур Вазе — герое-освободителе. Образ богатыря-избавителя пришелся по душе вогулам и с течением времени сага приобрела новые изложения и варианты.

В 1930-е годы в издательство «Академия» поступила рукопись Михаила Плотникова, заключавшая в себе стихотворную обработку вогульских сказаний о богатыре Мадур Вазе. 12 лет потребовалось автору для того, чтобы из отдельных разрозненных былин, сказаний составить и написать «Янгал-Маа», что в переводе с мансийского означает «тундра».

Дефекты поступившей в издательство рукописи (хронологические неточности, невыдержанность стиха) заставили издательство попытаться вступить в личную связь с автором. Попытки эти долгое время оставались безрезультатными. В этих условиях «Академия» решила печатать рукописи Плотникова в том виде, в котором они были доставлены.

В то время, когда издательство разыскивало автора, с его рукописью, по просьбе издательства, ознакомился поэт С. А. Клычков. Результатом явилась новая поэма — «Мадур Ваза — Победитель». Издательство не видело оснований выбирать между поэмами Плотникова и Клычкова и решило дать разом обе поэмы, которые были напечатаны издательством «Академия» в 1933 году.

Я рассказала о незначительной части краеведческого фонда. С этими и другими, не менее интересными изданиями я приглашаю вас познакомиться в окружной библиотеке им. Н. К. Крупской.

**И. Шевелева,
библиограф-краевед.**

Дом, который построил Борьков.

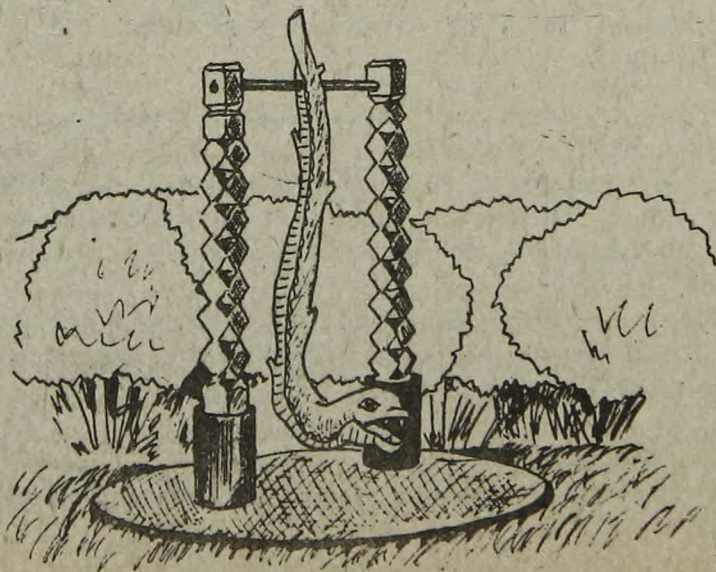
Л. Луцкай.

На небольшом островке среди сосен меня остановили качели, выполненные с фантазией и любовью. Захотелось сесть, раскачаться слегка, а потом взлететь высоко, до самых сосен.

Но не только эти качели, так понравившиеся мне, увидела я в поселке Кама. Здесь много удивительного. И прежде всего сам поселок. Стоит он на высоком берегу Конды в зелени кедров и сосен, куда совершенно естественно вписались новые, пахнущие стружкой дома. Они высветили весь пейзаж своей теплой красотой, нарядностью и было это, как в сказке. Но нет, шла обычная жизнь в обычном поселке. На берегу гоняли на мотоциклах подростки, а их сверстницы прохаживались тут же, зная, что именно для них и демонстрируется отвага мальчишек и скорость мототехники. Да, обычная жизнь была на улицах. Но сказочность ее, вошедшая в меня с первого взгляда, тоже была. И хотелось увидеть автора, создавшего сказку в наши дни. Что он за человек? О чем думает, когда бродит по лесу? Что он видит, когда смотрит вокруг себя?

В свой мир Иван Алексеевич Борьков пустит каждого. Пустит, но не каждый поймет его мир. Это ведь не только лишь дверь открыть и войти в дом, который он построил, не только сесть на качели и восхититься их красотой, удобством, необычностью. Это нечто большее — его думы, желания, его видение всего, что есть в Каме. Стучит себе молотком Иван Алексеевич, вырезает из обычной деревяшки кружева узоров и мысли его не только об этой работе. Думается, как другой дом начнет возводить, что там захочется оставить таким же, как в этом, а что изменить. И хоть хорош дом, который достраивает Иван Алексеевич — вон сколько добрых слов наговорили ему гости из Москвы, но видятся ему уже и узоры другие, и другая цветовая гамма. Только дерево, чистое дерево будет у него на других домах. Он уберет голубой и зеленый цвет, этих цветов достаточно в природе, и теплая, прозрачная янтарность еще больше вберет в себя от голубизны неба, от зелени кедров. Иван Алексеевич думает, примеривает наряды к другим домам, которые задумал еще построить в Каме, а руки проворно и ловко делают свое дело. Зачем же время так быстро мчит, ведь хотелось ему до обеда успеть выполнить весь угол дома, приладить к нему заготовленную резьбу. Но нет, не успеть. Надо сходить перекусить домой, а к вечеру непременно все доделать.

Уже не один дом построил в своем поселке Иван Алексеевич. Сначала свой дом выстроил. Соседи все любовались, все любопытствовали, какой

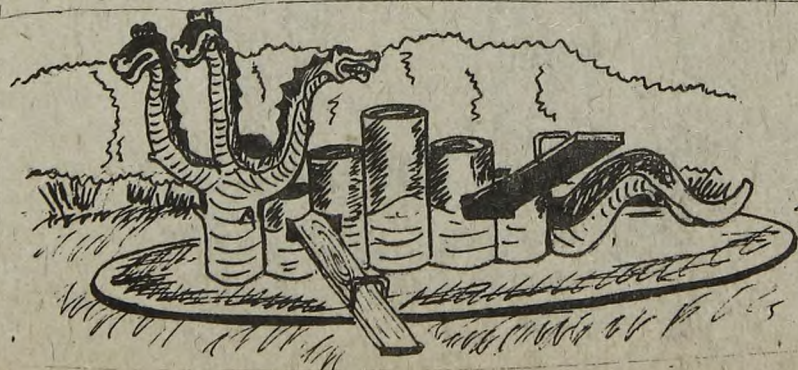

мастер обучил его так строить. «А никакой! — отвечал им Иван Алексеевич. — Взял карандаш, нарисовал свой дворец, а потом взял в руки топор да и смастерил». И почти ничего не скрывал Иван Алексеевич, примерно так оно и было. Задуманное в голове изложил на бумаге, не боги ведь горшки обжигают. Учился всем премудростям мастерства Иван Алексеевич уже в зрелом возрасте. Как коробки сбить, оконные ли, дверные, как стены вывести и крышу поставить. А уж украсить дом резьбой — это его любимое занятие. Всю жизнь, с мальчишеских лет только и занимался чеканкой да рисованием. Думал, что будет художником, но жизнь по-своему распорядилась. Не один год проплавал после службы в армии на торговом флоте. В разных странах побывал, много повидал. А вот маленький лесной поселочек все же притянул к себе. И море оставил Иван Алексеевич, приехал домой, к отцу с матерью. Думать, как жить, чем заняться после моря долго не пришлось. Стал свой дом ставить. И понял, что может строить дома, как художник.

Когда его дом собственный зажил, появилось желание и другим людям помочь. Иван Алексеевич с первого бревнышка, с первого гвоздя думает о красоте своего произведения. С этой думой он наличники навешивает, фронтон украшает и ничего из этой тонкой, затейливой работы не оставляет на «потом». Считает, потом на красоту не хватит времени. Затянет теучка, появятся другие дела, более важные, как будет казаться. Можно, конечно, и попроще делать, не в каждый дом столько души вкладывать. Но для Ивана Алексеевича это принципиальный вопрос — строить и людям, как себе. По-другому у него не получается. Как можно создавать красивое вполсилы, вполнакала? Но кажется иным односельчанам, что слишком много старается Иван Алексеевич. Они, конечно, видят красоту, но непонятны им бескорыстие и щедрость этого человека.

За полгода два дома успевает построить Иван Алексеевич. Застроить улицу, а потом весь поселок такими домами хочет. Конечно, это в перспективе. Но мечта его так горяча, что не поверить в нее нельзя. И потом, он же не один так думает. Лучшей жизни в Каме, лучших удобств для людей хочет и председатель колхоза Александр Константинович Киселев. Ему надо позаботиться о строительных материалах, чтобы под рукой у Ивана Алексеевича Борькова были и брус, и рейка, и половая доска, и шифер, и краски. А достичь этого нелегко, просто тяжело. Вот и приходится молодому председателю крутиться, чтобы произвести какие-то обмены, доставить в Каму строительные материалы. Здесь ведь и школа строится большая, кирпичная. Очень хочется ему, чтобы дети наконец-то могли дома учиться, а не ездили в Алтай. Школа рассчитана на 192 учащихся. Пока столько учеников в Каме нет, но Александр Константинович считает, что нужно уже сегодня видеть завтрашний день и думать о том, кто и как здесь будет жить.

— Если не будет строительства, — считает председатель колхоза, — то и стремления жить в деревне у молодых не будет. Это хорошо, что вернулся в деревню Иван Алексеевич Борьков. Он же творит чудеса. И это прекрасный пример для других. Люди деревенские если у кого-то увидят

что-то хорошее, то захотят, чтобы и у них было не хуже. Со временем все это к нам в Каму придет. И как бы ни было сейчас трудно, все равно надо к красивому стремиться. Мы: вот с детского сада начали, хороший дом детям построили. Площадку игровую Иван Алексеевич задумал. По тем эскизам, что у него есть, непременно сказка получится. А в комнатах у детей красиво и весело. Там Ивана Алексеевича картины висят. Хорошие картины.

— Мало я пишу, — признается Иван Алексеевич и грустно улыбается своим мыслям. — А как хочется отложить порой все дела, взять краски, кисти и начать писать. Все, что волнует. Задумок много, конечно, но вот дома строю, и весь в них выкладываюсь. Но когда уж сильно руки зудеть начинают, все бросаю и начинаю делать наброски. Надо мне все запомнить сначала, что задумал, а потом уже начинаю лишнее убирать, отсекал. Хочется, конечно, писать. Очень.

От работы Иван Алексеевич никогда не устает. Когда смотришь, как он строит, как резьбу накладывает, то кажется сам бы смог. Все просто. Но чтобы достичь этого, надо быть мастером. С такой душой, как у Ивана Алексеевича, с такими руками, которые все чувствуют, все могут, и которые не дадут угаснуть творчеству, красоте. Но должны появиться и другие руки, кто-то же должен научиться тому, чего он достиг. Да, Иван Алексеевич хочет хорошего, толкового ученика. Сынишка, конечно, еще мал. Но в нем он потихоньку вырабатывает терпение, трудолюбие и желание сделать что-то своими руками, чтобы доставить радость другим. Учит Иван Алексеевич сынишку замечать в лесу удивительный корешок или веточку, чтобы потом превратить находку в смешного зверька или птицу. Начинается с малого все, с хрупкого желания, крепнущего уже потом, когда понимаешь, что ты что-то можешь.

Очень хочется понятливого ученика найти Ивану Алексеевичу. Он бы многому научил его. Но пока работает Борьков на стройке один. Если нет рядом человека, готового понять тебя с полуслова, жаждущего научиться работать с такой же любовью, то тогда лучше одному выполнять задуманное. Ты один и твои руки. Ничто и никто не мешает тебе творить. И ты чувствуешь, что душа твоя принимает сделанное руками, она начинает петь и радоваться. Значит, хорошо. Пока в Иване Алексеевиче довольно сил — творческих и физических, ему хочется их не только в дома вложить, но и в людей. Иван Алексеевич верит, что ученик у него будет.

Сейчас Иван Алексеевич на той же улице строит еще один коттедж, ласково и с любовью прибавляя доску к доске, колдуя над каждой из них, подпиливая, подстругивая, подгоняя друг к другу. И за полгода, за которые Иван Алексеевич построит этот дом до конца, он становится для него родным. Но в нем будут жить другие люди. Возможно, долго и счастливо. Хотелось бы, чтобы счастливо.

На рисунках: качели работы И. А. Борькова.

ПАКОСТНИКИ

Прогулка по любому из наших северных городов человеку приезжему, со свежим, не притупившимся восприятием доставит отнюдь не самые радостные впечатления.

Возьмем хотя бы Нижневартовск. Потратив несколько часов на осмотр города, он не найдет в нем ни единого исправного телефона-автомата — все разорено, оборвано, разбито, позвонить по экстренной надобности неоткуда. Чтобы уберечь аппарат, подумает наш путешественник, к нему надо ставить человека с ружьем. В автобусах он увидит обезображенные надписями спинки кресел, вспоротые ножами просто так, от нечего делать, сиденья, в кинозалах — усыпанный шелухой от семечек пол, в домах, особенно многоэтажных — почтовые ящики с оторванными дверками, лифты с сожженными кнопками и стойким запахом мочи, стены лестничных пролетов, исписанные неразумной рукой. Все, что может быть выбито кулаком, ногой, плечом, вдребезги разбито брошенным камнем, отломано с помощью подручных средств, быстро приводится в негодность.

На улице гость города должен остерегаться, как бы на него что-нибудь не сбросили или просто не плюнули с балкона, а если он окажется в служебном кабинете, то невольно может стать свидетелем того, как скучающий школьник позвонит взрослому дяде и, хихикнув, задаст ему какой-нибудь дурацкий вопрос.

Глядя на все это, путешественник невольно усомнится, действительно ли прошло без малого две тысячи лет после рождества Христова? Ведь все упомянутое выше свидетельствует о бессмысленной разрушительной направленности действий массы людей, т. е. об одичании и культурной, нравственной деградации. Но от многих горожан вы можете услы-

шать более снисходительную оценку: «Ребятишки балуются».

Нет, баловством, озорством это уже не назовешь. Это пакостничество — явление, стоящее на дальних и ближних подступах к преступности. Очевидна, например, близость его к воровству, так как пакостят всегда скрытно. Пишущий мелом на стене похабные слова всего в одном шаге от того, кто атмосфере общественных мест непринужденно отравляет зычным матом.

Маленькие «шалуны» набираются от больших. Пакостничество наследуется, питается потворством и является способом существования, адекватным определенной городской среде. А какова эта среда, человеку с незашоренным зрением тоже видно на каждом шагу: торчащая из тротуаров арматура, вечные канавы, кучи земли и мусора, застарелые времянки, нескончаемая стройка.

Пакостничество воспроизводится. И по состоянию домов, в которых люди живут, улиц, по которым они ходят, дворов, где играют их дети, мы безошибочно можем судить, как они будут разрабатывать новые месторождения, станут ли беречь природу, уважать интересы и обычаи таежных охотников и рыбаков. Нет никакой гарантии, что не найдется великовозрастный озорник, шалун и не подожжет лес, не свалит бульдозером священный кедр и не скажет потом, сама воплощенная невинность: «А че? Ну и че?».

Избавление Севера от подобного пакостничества при разработке месторождений — это далеко не в первую очередь технологическая проблема. Прежде всего это вопрос жизненной философии.

В. ЧИРКОВ

ЖИВАЯ ВОДА

(Воспоминания, размышления, советы
Николая Ивановича Зольникова.)

1. ЕЩЕ ДО ВОЙНЫ.

Шаимские деревни я помню, какими они были еще до войны. Мужики здесь жили богато, в каждом хозяйстве — корова, 2—3 лошади. Брала ягоду, добывали пушнину. Но основное — рыба. Сейчас во всей округе один Учинский рыбучасток остался, а тогда все ловили. К рыбалке относились серьезно, нас, пацанов, взрослые на тонь не брали. В нашей деревне Урай мужики были все рослые, сильные, работающие, как протянут тонь, так 1,5—2 тонны рыбы достанут. Если сравнить нынешнее время с тем, что было, так бесполезно разговор вести.

Гаринский район от Шаима — рукой подать, туда, в Верхотурье, остяцкие обозы с рыбой ходили (нас, кондинцев, звали остяками, а там жили русские). За обоз рыбы русские давали два обоза муки. И сами с Гаринского района к нам часто приезжали, привозили сахар, хлеб. Нормально жили, все было свое, местное, все берегли: и реку, и озера, и тайгу.

Вот я уже лет 10 не хожу на Колосью (приток Конды), раньше она была богатством нашего колхоза. Речка чистая, считай, что живая вода — это по-нашему так называют чистую воду. К ней язь приставал, бывало до 20 тонн добывали. А дальше за Колосьинским озером кольцом шел урман, в нем зверь водился, лось очень много было. А где лось, там и соболь, и медведь. До сих пор в тех местах медвежьи амбары находят. Ну, а сейчас что — асфальты, дороги, какой там зверь будет! Сам видел, как бульдозером толкали в Колосью мусор, потом в газете вычитал, что в речке купаться опасно. И действительно, нельзя. Свинарник построили, а очистных сооружений что-то не замечал.

Конечно, загубленный край, но нефть нужна, она важнее всего. Правда, вижу, что зимой сидят рыбаки на Колосье, удят. Значит, рыба еще ходит, хотя дух уж не тот.

2. ЛЕНИНГРАДЦЫ.

Помню, как в 43 г. к нам в Урай привезли 15 ленинградских семей. Люди исхудавшие, ослабленные, с ними приехали секретарь Кондинского райкома Лелин и председатель райисполкома Телегин. Нас собрали в самый большой в деревне кузьмичевский дом, познакомили. Меня назначили бригадиром (а бригадиром только 15 исполнилось), в бригаду определили ленинградских женщин, все больше пожилых, молодежи мало было. «Вот, — говорит начальство, — будут ловить рыбу, помогать фронту».

Собрали мы ленинградцев и поехали к речке. Урай тогда богатый был, рыбы много водилось. Ну, городской человек откуда что знает, в лодку и то боится садиться. Мы им тогда веревку дали и отправили по берегу. Они, бедные, идти не могут: такие истощенные, слабые. А как первую тонь вытянули, увидели, сколько рыбы, и говорят: «Вот, теперь с голоду не умрем!». Обрадовались.

Дали мы им рыбы, кто сколько хотел, а большинство обращаться с ней не умеют. Тогда моя мать, другие деревенские женщины стали их учить, как рыбу чистить, как из нее уху варить, котлеты делать. Так буквально через месяц на рыбе ленинградцы наши ожили. Мы с ребятами как раз на месяц на Туманы ездили, возвращаемся, а они уже настоящие девки, как говорится. Устроили нам вечер прямо на улице, собрались все подкрашенные, а нам интересно. Мы такого сроду не видели, чтобы женщины губки красили.

Жили мы дружно, ленинградцы относились к нам хорошо. Я тогда на гармошке играл, первый парень на деревне! Они люди грамотные, концерты нам устраивали, вечера. Ничего не скажу, хороший народ. В 44-м я в армию уходил, провожали меня, напутствие давали. Я тогда ни железной дороги не видел, ни самолета, а они войну прошли.

Н. И. Зольников — пенсионер, всю жизнь провел на р. Конде, помнит кондинскую тайгу, озера с 30-х годов. 14—15-летним подростком начал трудиться в колхозе им. Декабристов, на месте которого в 60-е годы поднялся г. Урай. Отец Николая Ивановича И. К. Зольников был председателем этого колхоза.

В 1950 году, когда демобилизовался и вернулся в Урай, никого из ленинградцев в деревне не осталось. После уж пожилых встречал в Тюмени, а молодые все в Ленинград вернулись.

3. КАК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ В ОТПУСК ЕЗДИЛ.

...А сейчас я прямо скажу, какая у нас связь была и какой доступ к нам был. Служил я в Никополе, в 1949 году мне как отличнику боевой и политической подготовки дали отпуск. Дали мне отпуск месяц, а я проездил два. Транспорт какой! До Омска — железной дорогой, от Омска до Хантов — пароходом. А от Хантов только почтовый катер «Храбрый» ходил и катер-то какой! Деревянный, однобокий. Встанет лишний человек на борт, а капитан уже кричит: «Перейди на другую сторону!». Да и эта посуда 2—3 раза в месяц к нам являлась, приходилось попутными добираться.

И вот у меня вышла просрочка, и вроде бы грозит мне военный суд. Вызвал командир части и говорит: «Мы в розыск подали, считали тебя дезертиром». — А я: «Да какой же я дезертир!».

Я умно делал-то: в Шаимском сельсовете отметил, что прибыл — убыл, в Кондинске, пока катер ждали, в военкомат сходил, снова отметил. В Ханты-Мансийск приехал, тоже в военкомат сбегал, там 3—4 дня ждали. Я же понимал, что запаздываю, документы нужны.

Командир послушал и спрашивает: «А куда ты ездил!» — «Знаете, — говорю, — я дома всего 5 дней был, остальное в дороге. Я уроженец Шаима, вот, посмотрите». В кабинете висела большая политическая карта, взял указку и показал: «Это наш Шаимский сельский Совет». Я соврать не мог, все в командировке указано. «До Шаима, — говорю, — добирался катерами, а оттуда — деваться некуда — всякими путями, где на оленях, где на собаках».

Удивился подполковник: «Как же тебя в армию нашли!» — «Очень просто, — говорю, — в армию-то нашли». — И снова задает вопрос командир: «А как отслужишь, снова туда поедешь!» — «Ну, а куда деваться! Поеду. Там у меня отец с матерью».

Вот такая была история со службой.

4. О ДОБРЫХ ХОЗЯЕВАХ И ГРАМОТНЫХ НАЧАЛЬНИКАХ.

В 64-м нефть открыли, ну, прогремел Урай. Нефть, нефть! А мы и не представляли, что это такое. Думали, можно сказать, всякое. Местному населению объясняли, что нефть радость принесет. Я примерно тоже так думал, и работал на нефтяников: лес возил — новые бараки строить. Все ждали перемены жизни. Но думаю: для местного населения к лучшему ничего не изменилось. Рыбы стало мало, да и ту по весне есть уже нельзя, потому что она вся нефтью пропахла. Для молодежи, может, что и лучше стало, культуры нынче больше, танцы, кино. Раньше ничего этого в деревне не было, народ только работать знал. Рыбалка только началась — все урай (по-нашему, протоки) тянуть. А для нас, стариков, лучше ничего не стало.

Нынешние хозяева все грамотные, а в хозяйстве мало что волокут. Как-то возил большого орудного начальника в совхоз «Шаимский», 5 часов просидели в грязи. Тогда я ему такой вопрос задал: «Неужели добрый хозяин так бы сделал: скотный двор построил, а дороги к нему нет! И когда это молоко до детей довезут!». Молчит. Так и тащили нашу машину трактором полтора часа, а расстояние там — всего один километр.

В той же Устье скот держат, а сено из Казахстана возят. Я неграмотный и понять не могу, почему это выгоднее сено косить не здесь, а в Казахстане! У нас в леспромхозе только лошадей было 40 голов, и бригада из 5 мужиков шутя 280—300 тонн ставила. Сколько здесь пропадает угодий, какие травы стоят — и никому не надо. В нашем колхозе все косили на месте, а сейчас лес на сено в Казахстане меняют. По-моему, так может поступить неумная голова. Я как-то в газете вычитал — умный, неумный человек писал, начальник какой-то, — что казахстанскую солому коровы лучше едят, чем кондинское сено. Кто хозяйство держал, тот этому человеку так может сказать: «Ты корову-то видел!».

Если бы из Шаимского совхоза передать коров частникам, мне, к примеру, или другому, неужели они давали бы 3—4 литра! У нас местный скот мелкий, и то по 9 литров от коровы имеем.

Возил я одного председателя исполкома. Как ни едем на автобусе, все совхозные коровы на песке пасутся. Я говорю: «Клавдич, разве добрый хозяин будет коров на песке держать!». Ну, он хоть политически развитый, Клавдич, а хозяйского глаза нет. А по мне, пусть меньше грамоты, но чтоб хозяйственный, и все тогда будет.

Вот сейчас рыбнадзоры, а что они дают! Они буквально ничего не дают, кроме

вреда! Я бы их всех убрал, потому что они не знают, как за рекой следить. Дали им катер, вертолет, вот они и гоняются за одним рыбаком, который килограмм чебачишек в сеть поймал, а тонны рыбы теряются. Посмотрите: все урай запущены, кто их когда протягивал! Кругом проволока, коряги, сучки, пленки — это рыбе самое вредное. Раньше, если рыбак тычку от сети оставит или на устье задумает неводить, его всей деревней опозорят да еще рыбалки лишат. А как мы неводили! От начала до конца проток тянем тонь, там 10 человек, там 10, глядишь — тонны две вытянули.

Нет, я бы эти рыбнадзоры все ликвидировал, раньше их не было, а реку в чистоте держали.

5. САМ СЕБЕ ХОЗЯИН.

Вот я все думаю про себя: что такое сенокос, почему люди боятся его! Мне 65 лет, бабушке моей под 60, но мы в день-то два воза накашиваем да по пять копен гребем. Так мы старики. А молодому человеку 4—5 часов в день литовкой помахать — ничего не стоит. У меня 8 детей, и все могут косить, могут грести — все могут делать. А как иначе!

Мне охота еще внучат молоком парным попить, потому и корову держу. Поросяенок есть. Тем летом сена мало накосили, пришлось теленка забить. Жалко, конечно, но он мне дал 70 кг мяса да жиров. Конечно, свое хозяйство иметь трудно. А без труда как! От работы человек не портится, а без работы портится. Сейчас у меня внучата подрастают — я их тоже на покос. Косить пока не умеют, но грести давай, айда.

Я в 14 лет уже по-настоящему работал. Конечно, легче купаться и загорать, а трудиться — кто! От коровы, от своего хозяйства всегда накормишься.

Сейчас все у нас огороды садят. Я прямо скажу: мы, местные жители, к мелкому огороду не были приучены. Здесь в основном растили картофель, потому что работы и без огорода хватало. Все силы — на скот, картофель тоже шел для скота. У меня и сейчас картошка в яме круглый год хранится. Приезжие лучше нас огороды держат, все у них растет, каждый метр земли при деле. И мы, глядя на них, малину, огурцы, помидоры стали присаживать. Время такое пришло: хочешь покушать, работай, держи скот.

Записала Т. Козлова

П. Бахлыков

ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

Так или иначе, но участь коренных жителей не улучшалась. Душевно опустошенные, обобранные, с кое-каким провиантом месяцами возвращались они с ярмарки в родные места, волоча против бурного потока свои суда.

Хотя основная часть их сокровищ и уходила купцам, государственный ясак они выплачивали исправно. Как гипноз, действовали на них грозные усы и глаза инородческого старшины, которому и было поручено выправлять

с них беспрекословно положенный ясак. К «сказке-расписке» старшина прикладывал свою всемогущую руку, подпись свою утверждал внушительных размеров печатью. Ставили и охотники свои крестики или изображения зверя, птицы, дабы подтвердить точность и несомненность записей, в которых они, конечно же, ничего не разумели. И не откажешься потом от своего знака, который на бумагу положил, как по снегу прошел, след оставил.

Как же ханты распоряжались выреченными за свой труд деньгами, полученными от старшины или купцов? Ведь покупать на них было нечего да и негде. Бумажные ассигнации, имеющие несомненные художественные качества, аккуратно складывали на хранение в свои берестяные и выменные у купцов деревянные с музыкальными замками шкатулки. Монеты же, медные и серебряные, частью шли на украшение одежды, на преподношение идолам в церквушках. Бросали их иногда в водоемы в дар под будущие уловы рыбы. Закапывали под коренья деревьев в священных местах. Тут были и княжеские времен Ивана III серебряные копейки «чашуйки», и медные разных веков, посвященные императорам и царям России. Особо ценны «сибирки» — медные с примесью серебра и золота монеты, изготовленные на Колыванском монетном дворе на Алтае, с изображением лисичек, державших корону. От времени монеты покрывались темной патиной, которая могла хранить их до бесконечности.

Жилища

СЛЕДУЕТ предполагать, что такие жилища, как чум, юганские ханты, пожалуй, не применяли. Они всегда вели оседлый образ жизни, больших оленьих стад не держали, и поэтому переезжать с места на место в поисках новых пастбищ необходимости не было. В этих местах жили всегда в капитальных жилищах — из рода в род, из века в век.

Археологические памятники говорят нам о том, что пять—шесть тысяч лет назад люди жили в земляных жилищах. Такие места опытным глазом кое-где можно заметить и сегодня. Копалась земляная яма диаметром в среднем четыре-пять метров, до двух метров глубиной, стены обставлялись сплошными деревянными стойками. Крыша, она же потолок — бревенчатый накатник. Поверху настилалась древесная кора и заваливалась землей. Посреди жилища в центре не угасая горел костер, а в

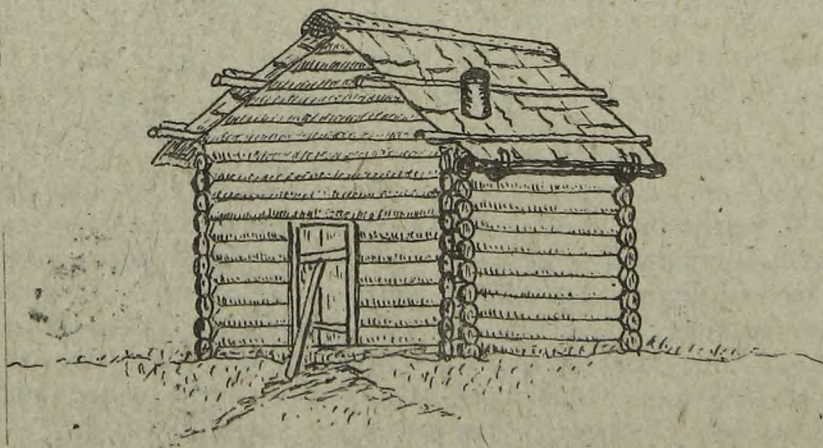
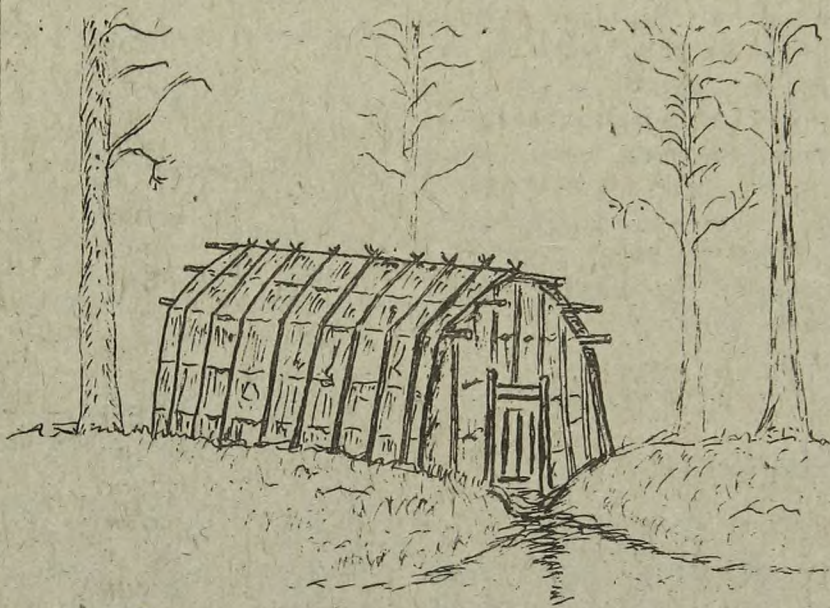
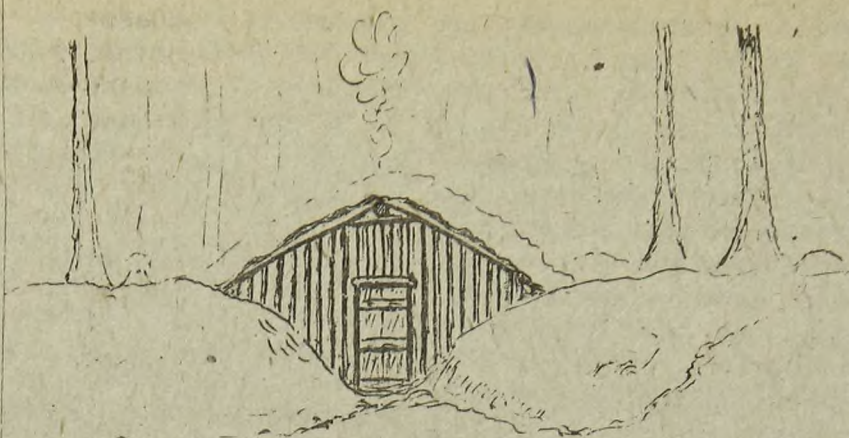
крыше было отверстие для выхода дыма. Часто наряду с этими так называемыми капитальными жилищами устраивали и довольно примитивные, с использованием шкур, ветвей и древесной коры.

Довольно ясно выраженные признаки больших по площади жилищ нередко встречаются и сегодня. В них обитали по нескольку семей, возможно, целые малые роды (примерно до пятидесяти человек). Я бы назвал их древними общежитиями. Это неглубоко вкопанное, поверху деревянной обрешетки покрытое корой пихты, березы большое жилище. Малые по размеру такого же типа жилища, названные русскими «карамами», дошли вплоть до начала двадцатого века. А земляные — чаще в три, реже до пяти жилищ — сообщались между собой земляными крытыми коридорами, окапывались рвами, обносились частоколом и являли собой неприступные крепости. Так называемыми городками они существовали несколько столетий в эпоху средневековья.

Позднее, когда участились сношения сначала с татарами, а потом и с русскими, стали появляться деревянные срубы. А после колонизации края русскими и получения от них путем обмена некоторых строительных инструментов (пил, топоров) начали строить срубные дома — правда, без потолка, его и крышу заменяло берестяное в несколько слоев покрытие. Единственное небольшое квадратное отверстие в крыше вместо окна за неимением стекла закрывалось тонкой льдиной. Льдина, естественно, часто вытаявала и ее приходилось заменять, для этого еще по осени их заготовливали впрок. Иногда применяли специально выделанную шкуру.

Из колотых толстых досок на деревянных шпунтах сооружалась единственная в жилище дверь. Вместо дверных навесов служили мастерски сделанные на крайней доске длинные выступы, верх закреплялся деревянной скобой, а нижняя «пята» вставлялась в деревянную же чашу.

Войдя внутрь жилища, вы найдете справа печь («чувал»), занимающую весь угол. Это великолепное создание, дающее тепло, свет и возможность

Жилища: земляное; полуземляное — карама; деревянное.

готовить разнообразную пищу, изваял в свое время неизвестный мастер. Из деревянных прутьев, связанных кореньями, сооружается остов печи, затем из специально приготовленной массы — смеси глины и травы — печь сбивается и обмазывается. Прокалившись со временем в единый монолит, она долгие годы служит своим хозяевам.

Повдоль всей передней стены устроены сплошные дощатые нары в два метра шириной, застеленные камышовыми циновками да оленьими или лосиными шкурами. Такая кровать может быть устроена и по левой стороне. Пол земляной, устланный сухой травой. В левом углу около двери — подобие шкафов с посудой и большие берестяные короба с разным провиантом. Поверху закреплены шесты, на которых развешивается одежда и прочие вещи. Все сделано с большой аккуратностью и мастерством.

Таковыми юрты дошли и до наших дней с той лишь разницей, что стали делать в них теперь деревянные полы, небольшие окна, потолки и деревянные и даже шиферные крыши, а вместо чучала ставят железную печку, которая, несомненно, служит хуже, чем глиняная. Впрочем, та и другая пожирают невообразимое множество дров, а куда более удобные и экономичные камины имеют далеко не многие. Причины: отсутствие кирпича и привычка к традициям.

Следуя старым заповедям, ханты не делают окон в сторону реки, никогда не ложатся спать головой к реке. В прежние годы у них было принято спать голыми, каждый из членов семьи спал в своем пологе. Многие их привычки теперь изменились, некоторые, к сожалению, не в лучшую сторону.

Хотелось бы подчеркнуть одну чрезвычайно интересную особенность в бытовом укладе ханты. Суть ее состоит в следующем. У каждого рода в обязательном порядке, за редким исключением, имеется два поселения: зимние юрты и летние, хотя расстояние между ними всего один-два километра. Удивительно, что по своему характеру все строения, как летние, так и зимние,

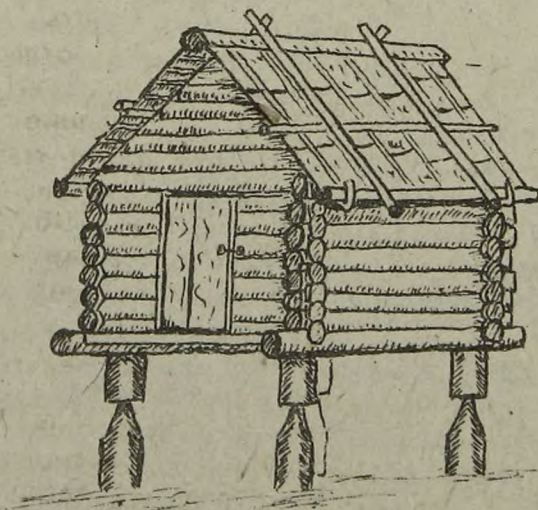
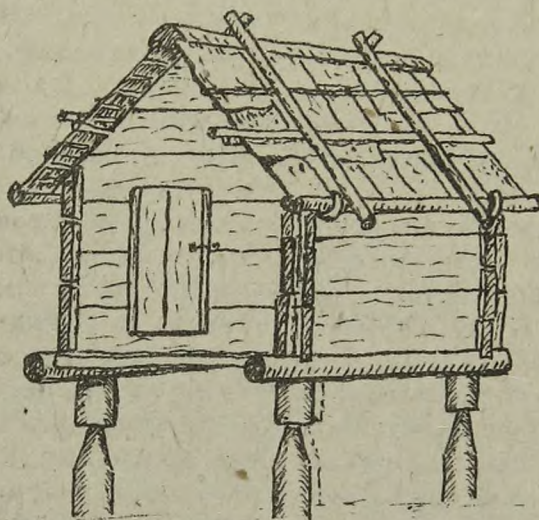
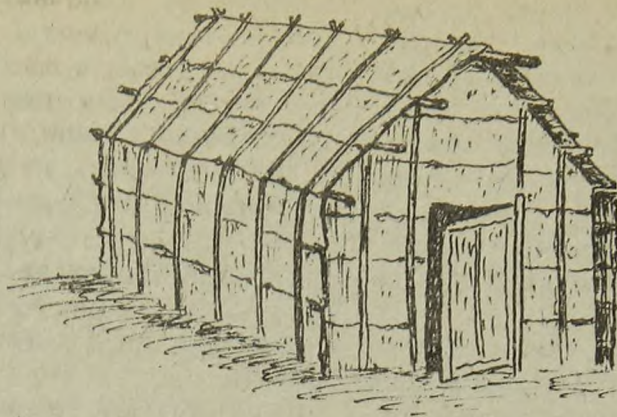
в сущности одинаковы. В зимних юртах хозяева живут после того, как замерзает река, в летние возвращаются по открытию летней навигации.

У имеющих оленьих юрты расположены в сосновом бору ближе к оленьим пастбищам. В бору легче заготавливать дрова. Зимние юрты располагаются около небольшой речушки, из нее берут воду, хотя часто обходятся и снегом. В речушке добывают рыбу зимним способом.

Весь летний период ханты связаны с рекой. Река — это связь с миром, в течение всего лета она кормит и поит, около нее легче спастись от кровожадных комаров, песчаные отмели больше продуваются ветрами. Легче и собакам, для которых тоже приходится шить специальные полога и устраивать дымокуры. Олени во время больших комаров тоже находят спасение у реки.

Как в зимних, так и в летних юртах имеются все хозяйственные постройки, и очаги, и транспортные средства. У каждой семьи обязательно есть хозяйственный амбарчик на четырех высоких ножках, с подсечкой столбов, чтобы не могли попасть в него грызуны. Поднимаются в амбарчик по приставной бревенчатой лестнице, затем ее убирают. Там хранят продукты питания, запасной инвентарь, всевозможные вещи, в том числе зимнюю и летнюю одежду, семейные реликвии и прочие ценности. Амбарчиков может быть несколько. Под ними хранятся нарты, ловушки для рыбного промысла и охоты, весла и прочие предметы, которые тут защищены от дождя, но не ограждены от ветра или снега. В одном из амбарчиков может храниться родовой домашний идол. Все это, конечно, скрыто тайной завесой.

В ограде вблизи жилой юрты на деревянной подклети — печь для выпечки хлеба, около нее столик и все необходимые принадлежности кухни. Над ней имеется крыша из досок или бересты. Рядом с хлебопечкарской печью расположен открытый очаг, изготовленный тоже из прутьев, обмазанных глиной. Тут в летнее да подчас и в зимнее время готовят пищу и себе, и собакам. Очаг снабжен специальными устройствами для подвески, выдерживающими

1. Берестяное летнее жилище. 2. Хоз. амбарчик дощатый. 3. Хоз. амбарчик бревенчатый.

котлы любых размеров, порою до пятидесяти литров. В последнее время такие очаги стали огораживать и покрывать крышей, что позволяет использовать их как летнюю кухню. В ограде всегда есть заготовленные дрова, сложенные в поленницу или попросту установленные в виде больших костров.

Во время летних поездок применяют жилища-временки. Из ивовых прутьев делается каркас, затем покрывается скатами из березовой коры, специально проваренной и прошитой кореньями или жилами. Такие рулоны юганские ханты всегда возят с собою в своих путешествиях. Зимняя ночевка в лесу обеспечивается разгребанием снега и укладыванием подстилки, наспех обставляемой хвойными ветками. В последние годы все чаще стали применять палатки.

На длительных стоянках берестяное жилище имеет несомненное преимущество перед палаткой. В нем и свободнее и дольше держится тепло.

ПОЕЗДКИ И ПОХОДЫ

ВСЯ жизнь ханты связана с поездками и походами. В зимнее время — на оленьих или собачьих упряжках, а в летнее на обласах, лодках и довольно часто — пешком ходом, по почти неприметным тропам. Определяют они свой путь и тропу, намеченную еще древними предками, по им только одним известным приметам, несведущий человек будет безрезультатно отыскивать такую дорогу. Путь пролегает через леса и болота, иногда приходится шагать несколько дней. Цели бывают разные: за медицинской помощью, для участия в культовых, свадебных обрядах, приобретения предметов обихода, продуктов. И ведет любовно выструганный походный посошок и днем, и ночью, прощупывая звонкий осенний лед, древние, утонувшие в болотном мху следи, глубину замшелой ямы или ручья. Зимний путь, проложенный напрямую вдоль реки, извирающейся до неимоверности, сокращается в три раза, а если же тропа ведет к дальним родственникам, живущим в вершине соседней речки, то в десятки раз.

Поездки на собачьих упряжках значительно облегчают задачу. Хозяин имеет возможность проехать, когда нарты, поскрипывая и покачиваясь, ринутся под уклон, или, что бывает не часто, по хорошо накатанной дороге. Удел запряженных двух-четырех собак — тащить нарты с уложенным на них грузом, в том числе и кормом для них. При подъеме в гору приходится помогать, тяжело груженные нарты собаки осилить не могут.

Поскольку собака у ханты должна быть вынослива, то и особых условий ей не создают. Собаки круглый год содержатся на привязи, тем самым они не имеют возможности губить живую природу, портить породу, спариваясь с кем попало, уберегаться от заразных болезней.

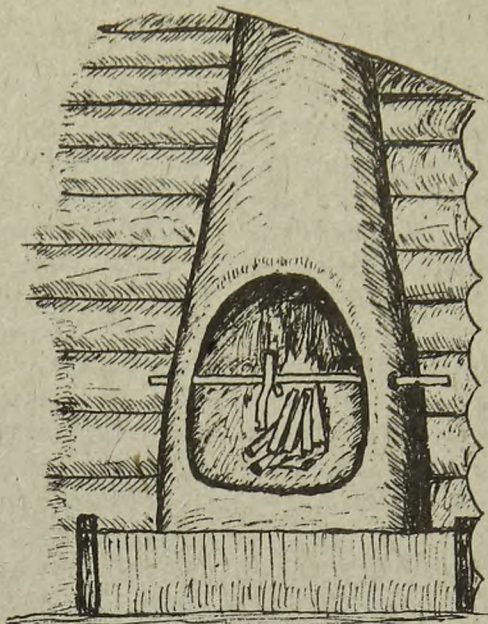
Удивительно умение коренных жителей определять страны света, направление и расстояния, угадывать ближайший бор, болото, озеро, речку, жилище и т. д. Таким инстинктом обладают животные и птицы. За долгие века жизни в этих условиях люди, очевидно, переняли у них это великодушное качество, которое помогает в течение всей их жизни находить для себя кров и пищу.

ОЛЕНИ

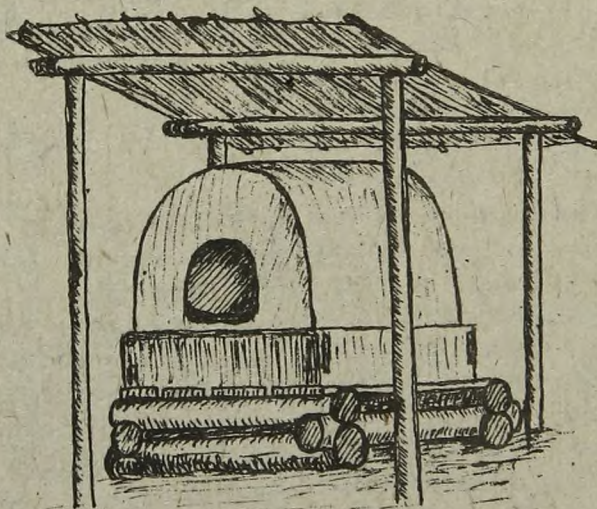
БОЛЬШОЕ и очень важное значение в жизни ханты отводилось оленеводству. В отличие от северных соседей, юганские ханты держали сравнительно небольшие стада, всего в несколько десятков голов. И то не повсеместно. Низовые, начиная от Угутских юрт и до Оби, оленей почти не имели. А в девятнадцатом-двадцатом веках держали коней, приобретенных в селе Юганском у русских. И конечно же, пользовались малыми собачьими упряжками.

В среднем течении реки Юган, где преобладают сосновые боры, в основном и занимались оленеводством. По реке Малый Юган и в верховьях Большого Югана оленей держали в меньшем количестве. Во-первых, там в основном урманные места, часто большие сплошные массивы, что затрудняет не

1

2

3

1. Чувал — печь. 2. Печь хлебопекарская. 3. Очаг.

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

только поездку на оленях, но и уход за стадом и сохранение его. Во-вторых, там гораздо большее число диких оленей и лосей, так что проблема с мясом и шкурами решалась проще. Тем самым отпадала необходимость в столь трудных условиях содержать домашних оленей.

В таежных условиях заниматься оленеводством гораздо труднее, чем в тундровых. В летнее время гнус заедает оленей, и хозяевам приходится устраивать срубы в рост оленя с плоскими крышами, покрытыми берестой, а внутри них все время поддерживать дымокуры из древесных гнилушек и грибов-наростов. Олени, спасаясь от насекомых, приходят сами и порой буквально втискиваются в эти спасительные помещения.

Зимой нужно иметь множество оленьих кандалов, чтобы периодически менять их на оленях, для чего приходится их отлавливать. Выбирают тех животных, которые могут уводить за собою стадо, то есть вожаков, и ездовых. Для отлова оленей в определенном месте делается большая, в несколько сот метров, изгородь из жердей. В нее их загоняют при необходимости, а иногда ловят и на воле. Вылавливают оленей как для езды, так и для забоя. Кандалы используются ножные на одну переднюю ногу и подвесные на шею — в виде доски, мешающей быстрому ходу, либо в виде вилки.

Все хлопоты и заботы тех, кто занимается оленями, конечно же, оправдываются и сторицею вознаграждаются. Их мясо — вкусная и высококалорийная пища. Кроме того, олень дает и шкуры, и меха для одежды и обуви на все случаи жизни. Это и незаменимый транспорт.

Нарты у юганских ханты несколько отличны от северных. Они облегчены, рассчитаны только на зимнюю дорогу. Перед нарты скреплен прочной дугой. Такая конструкция не цепляется за деревья, чем обеспечивается беспрепятственное движение даже в густых зарослях. Вся упряжь изготавливается из ремней, деревянных и костяных резных и орнаментированных деталей, украшается специальными металлическими подвесками и обязательно — раскрашенными ременными кистями.

ХАНТЫ изобрели великолепные средства передвижения по воде.

Вначале, не имея металлических инструментов, с помощью каменных и костяных орудий, а также путем прожигания внутренней части дерева они изготавливали лодки-«пироги». Затем изобрели лодки из березовой коры, очень легкие и удобные для переноски на соседние водоемы. Затем вернулись к изготовлению с помощью уже металлических инструментов, деревянных лодок — тоже легких, но гораздо прочнее и долговечнее, чем из бересты.

Такая лодка-долбленка называется «облас». Доведенная до удивительного совершенства, она легко и бесшумно скользит по воде, движимая и управляемая только одним веслом. Изготавливается она из цельного ствола дерева. У юганских ханты используется для этого осина. При наличии всех нужных инструментов мастер может выполнить всю работу в течение трех дней.

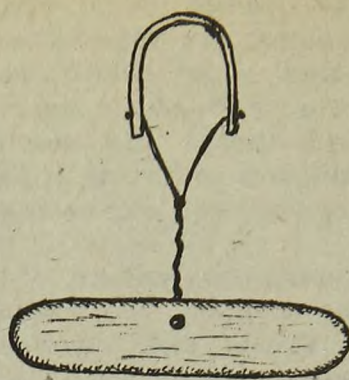
Обласа часто делали больших размеров, только для реки, так называемые «семейные». В недавнем прошлом, когда появились в продаже легкие подвесные моторы, большие обласа начали приспособлять под них. Для этого производилась некоторая реконструкция, а именно срезалась часть кормы, ставились деревянные подкрылки, на срез кормы укреплялся мотор.

Более удобный и надежный вид водного транспорта у ханты, который не нашел замены и в наши дни, это дощатая лодка, вероятнее всего заимствованная от русских. Ханты, живущие в юртах Бисаркиных, что ниже Угутских километров на тридцать, нашли возможным строить лодки-неводники грузоподъемностью до десяти тонн. Каждая семья имеет несколько дощатых лодок.

Деревянные лодки ханты приспособили удивительным образом. Большая крытая деревянная лодка-каюк выполняет роль плавающего дома. В ней можно устанавливать несколько пологов, печку на случай весенне-осенних поездок. Меньшие по размеру — для быстрых разъездов и рыбалки. На главной лодке

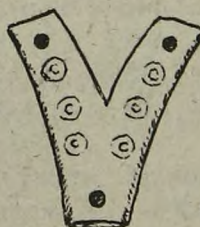
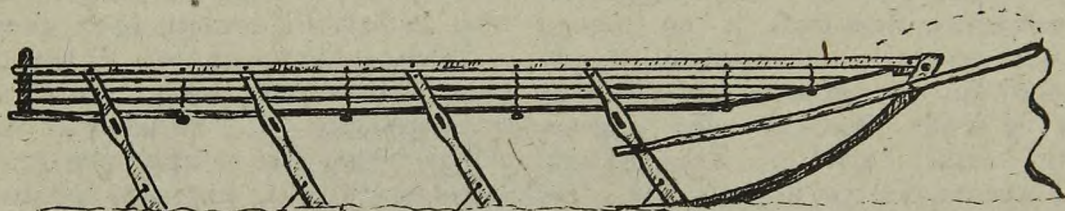

1.

2.

Кандалы оленьи: 1. Ножные; 2. На шею.

Нарта оленья. Детали сбури.

в прежние времена устанавливалась резная мачта с гербом, крестом и вымпелом, у каждого рода свой герб. Герб был выполнен из металла, окрашен, иногда покрывался золотом. Это нововведение, разумеется, появилось после крещения ханты. Иногда при поездках применяли парус, но так как река часто меняет свое направление, то парусом пользовались лишь часть пути.

Расстояние по реке отсчитывается по количеству песков. И всем давно известно, что от одних юрт до других столько-то песков.

Передвижение на лодках осуществляется главным образом с помощью гребей-весел. Как правило, за гребни садятся одна, две, а то и три пары гребцов, в зависимости от величины судна. Против течения лодки тащат способом бурлаков, здесь называется — бичевой. Теперь на гребях уже никто не плавает, эту тяжелую работу выполняют подвесные моторы.

ЛОВУШКИ И РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

В ЖИЗНИ ханты рыба является главным продуктом питания в течение всего года. И так, по-видимому, было всегда. Это хорошо прослеживается при наблюдении мест древних поселений. Нередко они встречаются вдали от рек, но обязательно около какой-либо малой речушки — не всегда пригодной для езды по ней на лодке, но, несомненно, рыбной.

Когда есть рыба, то для ханты не так уж важно, есть ли хлеб, сахар, соль, без чего мы никак не можем обойтись. Для ханты рыба хороша и свежая — сырая и мороженая. Они умеют ловко и быстро приготовить из нее обед, впрок заготовить копченую, «чемух». Это удивительно вкусное блюдо, в таком виде рыба может очень долго храниться в естественных условиях. Великолепно готовят и вяленую, а в последнее время и соленую рыбу. В период летней варовой путины, или «большого промысла», готовят «варку» из икры, внутренностей рыбы и жира — любимое блюдо ханты. При возможности

делают заготовку рыбьего жира с расчетом на год. Рыбий и животный жир хорошо заменяют масло.

Во все времена года ханты умеют добывать рыбу. А способов и приемов они знают великое множество. Кроме деревянных жильных ловушек-самоловов и самосадов, они из дикой крапивы вязали ставные сети, причем тетиву изготавливали из древесного лыка. Ловили и ловят рыбу, особенно щук, с помощью самодельных крючков для успокаивания добытой щуки у них есть специальная колотушка, она же служит для намотки шнура с блесной.

Очень древняя снасть для добычи рыбы — «морда», одна из самых надежных ловушек. Делается из дерева. Речка перекрывается полностью и основательно с расчетом на много лет. В центре загородки оставляют проход, в который при надобности и устанавливают ловушку. Конструкция ловушки позволяет добывать рыбу как при ходе ее по течению речки, так и против. На одной речке таких ловушек можно устанавливать несколько. Очень важно отметить, что попавшая рыба может долго в ней жить и рыбаку она всегда достанется свежая. Мордой ловят рыбу в течение всего года.

Все деревянные ловушки и снастчачки ловко и искусно оплетаются корневищами. Все с большим старанием, любовно острогано, оглажено, всему приданы изящные формы, все очень легкое и прочное, рассчитанное на долгодлительный срок.

Существуют зимние виды добычи рыбы и такие, как, к примеру, путем загонивания ее ботушками. Убегая от шума, она непременно попадает в установленную на ее пути ловушку. Ловят рыбу и с помощью невода, сетей, котцов и многими другими способами.

На кухне ханты чаще всего можно увидеть щуку (это, пожалуй, одна из самых любимых их рыб), а также мхотика — вид плотвы. Еще в юганских водах живут язь, чебак, сорога, окунь, ерш, пескарь, по озерам — карась, голянь. Во время весенних разливов в низовьях Югана можно добыть нельму, муксуна, и даже стерлядь, которые заходят из Оби.

(Продолжение в следующем номере)

НАЙОТЫР МА—ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

В 1978 году в Сосьвинской школе мной был открыт этнографический музей, которым и сейчас руковожу на общественных началах. Успели собрать и сохранить уникальные экспонаты, каких нет в музеях Ханты-Мансийска, Березово, Ленинграда.

В 1989 году организовала ансамбль «Сэрипос» при интернате. Сами шили костюмы, покупали платки, бисером украшали. Получились очень нарядные, красивые костюмы. Ансамбль ездил в Якутск на фестиваль народов Дальнего Востока и Сибири.

В прошлом году ансамбль «Сэрипос» передала своей ученице Г. С. Яптиной (Иванюк), а сама занялась осуществлением своей идеи строительства парка-музея с целью сохранить и развить культуру народа манси. Почти за одно лето успели построить, и это в наше беспокойное время.

Парк-музей расположен среди леса, на очень красивом месте. Называется он «Найотыр ма» — в переводе: земля предков, прародителей — родина. Состоит весь комплекс из одиннадцати объектов: 1) зимний дом с чувалом, 2) родильный домик — манькол, 3) охотничий лабаз на двух ножках, 4) навес для хранения средств передвижения — лодок, саней, весел и др., 5) большой лабаз на четырех ножках для хранения зимней одежды — нормас осьнэ сумьях, 6) печь для выпечки хлеба — нянь варнэ кур, 7) вешала для сушки юколы, 8) летний дом с домашней утварью, одеждой, 9) ура-лабаз на одной ножке, святой уголок, 10) вешала для сушки невода, сетей, 11) чум — ёры кол. В целом мы показали жизнь и быт мансийской семьи.

Летом этого года нам необходимо построить еще пять объектов: берестяной рыбацкий домик, перевес (материал есть, нужно только установить), слопцы (ловушки на глухарей), кораль для оленей возле чума, арпи — запор возле рыбацкого стана. Все это вполне осуществимо, здесь мы ни от кого не зависим. И еще за лето планируем построить двухквартирный дом, в одной половине которого будет гостиница на десять человек, а в другую перенесем школьный этнографический музей, пополнив его; здесь же будет и наш рабочий кабинет. Это для нас, безусловно, большое строительство, но обещают помочь районная администрация вместе с сельским Советом. Возможно, со временем будет проложена туристская дорога, станут приезжать иностранцы. Труд наш не пропадет.

А. ХРОМОВА,
с. Сосьва, Березовский район.

СЕВЕРНЫЕ АРХИВЫ

(Отрывки)

Понятно желание даже случайного посетителя Березова или Сургута познакомиться с историей этих северных, удаленных от европейской культуры, захудалых городков Тобольской губернии. Как тот, так и другой — место ссылки. Березов в этом отношении даже знаменит, так как в нем жили и умерли известные ссыльные Меньшиков, Долгорукий, Остерман. Их могилы показывают и теперь, причем только могила Остермана более или менее достоверна, об остальных высказывают лишь вероятные предположения. Но что скажут могилы? Хочется выслушать рассказы, посмотреть переписки, дела и ближе, как говорится, на самом месте преступления познакомиться с жизнью знаменитых «государственных преступников». Местные источники слишком бедны. Указывают, например, место, где по преданию, стоял острог, в котором содержался Меньшиков; сношения с ним были запрещены; попытка некоторых жителей завести сношения с сосланными кончилась тем, что некоторых березовских обывателей, в том числе и одного священника, сослали в отдаленные места, урезав языки.

Грустные воспоминания, связанные с этим местом, ослабляются стоящей недалеко небольшой церковью. Чистая, белая, она как бы улыбается, красиво выделяясь на темном фоне группы лиственниц — этих красавиц севера. Защищая церковь от бурь и непогоды, эти мощные, стройные деревья укоризненно кивают своими верхушками, глядя на нашу мрачную старину.

Казалось бы, в архивах должно сохраниться много интересного, но и тут — разочарование. Вам скажут, что все интересное потеряно или уничтожено пожарами. И действительно, архивы березовского и сургутского полицейских управлений, с которыми мне пришлось ознакомиться, благодаря любезности исправников И. В. Евсеева и Г. А. Пирожникова, не заключают в себе каких-либо серьезных данных. Многое в этих архивах может быть отнесено лишь к области курьезов или чисто бюрократических упражнений в управлении северным краем. Вот небольшая часть этих материалов.

1. Ссылный колокол.

Кроме известного угличского колокола, сосланного в Тобольск царем Борисом Годуновым, не был ли сослан еще другой колокол, — в г. Сургут?

Этот вопрос невольно напрашивается при рассмотрении дела «о доставлении сведений о имеемом на Сургутской Троицкой церкви колокольне колоколе, сосланном якобы с наказанием из России».

Тобольское губернское правление, получив частные сведения, что в упраздненном городе Сургуте на колокольне св. Троицы есть колокол, сосланный в прежние времена из России, с наказанием, 31 июля 1836 года предписало сургутскому отдельному заседателю доставить сведение: «какого именно весу сей колокол, какая на нем положена надпись и какие имеет на себе изображения святых», и затем «узнать от старожилов, нет ли каких преданий или в церковных архивах каких записок о времени, в которое сослан означенный колокол, по какому обстоятельству, откуда именно и какое сделано ему было наказание».

Заседатель Ширяев запросил об этом 28 августа 1836 года священников Сургутской Троицкой церкви. Те ответили «Его Благородию» следующей краткой надписью: «о таковых секретных делах без главного правительства нашего сведения публичные отбирать о наказании святых не отваживаемся». Подписали: «иерей Кайдалов, иерей Вергунов». Затем священник Вергунов 1 сентября того же 1836 г. уведомил заседателя, что в церковном архиве никаких сведений о колоколе не оказалось; «значится внесенным в опись колокол, висящий на колокольне, поилейный, изображения святых икон на себе не имеет и весу оному не означено». Вергунов собрал сведения «также и од честных людей», но никто не мог удостовериться, откуда колокол сослан, или где наказан.

Заседатель, отвечая губернскому правлению, также добавляет, что он расспрашивал сургутских старожилов, но никто не мог дать положительных сведений о колоколе; «некоторые из них», пишет заседатель, «уже престарелых лет, сказывают по слухам, носившимся от предков их, что прислан якобы колокол назад тому более ста лет, называемый поилейной, но в какое время, откуда прислан и по какому обстоятельству, — того утвердить не могут». По осмотру, произведенному заседателем, оказалось: «колокол весу должен быть не более 20-ти пуд, надписи на нем и изображения святых никаких нет, кроме как только на поверхности онаго вылитая насечка в виде бордюра, в некоторых местах края у онаго несколько выкрошились».

Как понимать первый, уклончивый ответ священников Кайдалова и Вергунова? — Не скрыли ли они из боязни известную им часть истины о колоколе? К ним ведь сравнительно близок был случай урезания языка березовскому священнику, а порядки 30-х годов прошлого столетия тоже не отличались особенной мягкостью.

II. Когда исчезли на севере речные бобры!

В июле 1829 года сургутский отдельный заседатель получил запрос от гражданского губернатора «отобрать от торгующих в Сургуте лиц, какую именно последнюю и без малейшего излишества цену согласятся взять за каждый фунт бобровой струи, нужной для тобольской казенной аптеки». Заседатель ответил, что по собранным им сведениям «бобровой струи в течении сего (1829) года в продаже по сургутскому отделению не было и ныне оной в руках ни у кого не имеется; как инородцы, так и русские в промыслах своих сих зверей не добывали».

Сопоставим этот ответ с заботой высшей администрации края о сохранении дорогого зверя, проявленной спустя 22 года.

5 июля 1851 г. на имя сургутского отдельного заседателя из тобольского губернского правления последовал указ, при котором приложена копия предложения председательствующего в Совете главного управления Западной Сибири тобольскому гражданскому губернатору от 14 апреля 1851 года.

В предложении изложены «правила для предупреждения совершенного истребления речных бобров в Западной Сибири».

Правила кратки:

1. Запретить вообще в Западной Сибири ловлю речных бобров в продолжении пяти лет.

2. В местах, где водятся речные бобры, запретить на расстоянии полуверсты истребление кустарников и всякого рода деревьев, особенно тополя, ивы и березы, которыми они наиболее питаются.

3. Наблюдение за исполнением сего возложить на старост (родоначальников), родовые управления и инородные управы, согл. 71.75 и 91 ст. учр. об управ. инород., т. 2 св. зак., изд. 1842 г.

Эти правила высочайше повелено, «привести в исполнение, но с тем, чтобы чрез сие не последовало стеснения инородцам или чтоб сие не послужило поводом к непозволительным сборам и подобным беспорядкам».

Заседатель предписал, в свою очередь, тринадцати инородным управам. Как отнеслись инородцы к этому распоряжению, в рассматриваемом деле сведений, к сожалению, нет.

Кустарников и всякого рода деревьев по берегам рек и речек Сибири еще много и теперь, а о речных бобрах осталось лишь одно воспоминание и трогательная забота «об ограничении ловли речных бобров».

III.

Но не одни бобры вызывали о себе заботу администрации. В 1827 году издан был приказ «о невынимании инородцами и русскими из гнезд лисят и соболей». Приказ начинается указанием на вред такого способа добычи лисец и соболей. «Оные лисята, — говорит приказ, — и соболенки, пропадают все сколько ни было, или хотя остаются из оных самая малая часть живых, не могут быть такими добротными, каковы бывають польские* и продают с сиделых зверей шкуры за безценок». Предписывалось объявить старшинам и всем инородцам «дабы они ни под каким видом лисят и соболей из гнезд не вынимали, за сим иметь неослабное наблюдение с тем, чтобы если у кого окажутся сии звери, таковых отбирать и отпускать на волю, и о тех инородцах доносить неотлагательно, а если со стороны вашей (приказ вахтерам магазина) какие откроются в сем случае корыстолюбивые виды и ясашные поноровки, то за все оное взыщется с вас самым строгим образом».

Предложение с изложением сущности приказа было послано семи старшинам и казачьей сотне в Сургуте, причем в приказ казакам добавлено: «и более всего злоупотребительно есть то, что сим выводят и умаляют в природе зверя, коего время от времени становится менее».

IV. «О траве крапиве и производимом из оной изделий».

Сургутский частный комиссар получил от тобольского гражданского губернатора предписание от 7 марта 1814 года — доставить ему «удовлетворительнейшее сведение, не произрастает ли во вверенном ему комиссариатстве крапива, и буде она есть, в чем я, пишет губернатор, и не сомневаюсь, то ясашные вырабатывают ли из оной и какие именно изделия, при чем приложить образцы сих последних с нужными объяснениями на счет прочности и употребления оных».

Такой запрос вызван был получением предписания сибирского генерал-губернатора, который получил сведения, «что в северных и южных странах Томской губернии растет особенного рода крапива, которая по сделанным испытаниям оказалась годною не только на витье веревок, но и на пряжу для делания неводов, также и одежды». Комиссар донес: 1. «Трава крапива во всех ясашных волостях Сургутскаго комиссариатства произрастает со избытком

* Полевые, дикие.

так что ясашные на потребные им из оной крапивы изделий никогда недостатка не имеют; 2. Изделия из оной вырабатывают только те, кои им свойственные, а именно: вьют к лукам веревки, называемые тетивы, прядут нитки, невода и для сетей и сайпов (?), которые по объяснению их прочностию служат в равном достоинстве, как и делаемые из конопля; 3. Из выделяваемых теми ясашными ниток можно бы ткать и холсты, но как те ясашные по азиатскому обыкновению к таковой выделке холстов не свойственны, то и нигде оных по Сургутскому комиссариатству не производится; 4. Из выделяваемых же из крапивы ниток двух сортов — первые толстые для неводной мережи, а последние тонкие для сетей и сайпов ясашными всегда употребляемыми долгом поставит из оных при сем приложить в виде образца».

Образцы были доставлены генерал-губернатору, а комиссару предписано: «тем жителям, где таковая крапива произрастает, внушить о размножении и обрабатывании оной, яко растения, могущаго принести для них великую выгоду, и об успехе донести в свое время». Конец переписки: «по оному Вашего Превосходительства повелению мною распоряжение учинено быть имеет, о чем покорнейше рапортую». 26 ноября 1814 г. № 1222.

V. «Дело о годовых свиньях, обещающих родить 12 поросят».

Тобольской духовной консистории в 1810 году понадобилось иметь сведение: «в какой цене состояли вышеозначеннаго (1807) и нынешняго (1810) года в Югановском погосте годовыя свиньи, обещающия родить 12 поросионков». Об этом послан был запрос в Сургутское духовное правление. Обратились к какому-то полицейскому чиновнику (неразборчив его титул), который составил такую надпись: «от Сургутскаго купецкаго и мешанскаго общества потребно мне сведение, по какой цене состояли в 1807 и нынешнем (1810) году в Югановском погосте годовыя свиньи, обещающия родить двенадцать поросенок». Подписал Пролежибухов. Староста ответил, что «в Югане годовыя свиньи не продавались по невывозу, а в Сургуте продавались по четыре рубля, и с полтиною четыре».

При рассмотрении какого дела могли понадобиться консистории сведения о свиньях, «обещающих» 12 поросят?

VI. Березовское чудо.

Осенью 1845 г. зверопромышленники остяк Фалалей Лыкысов и самоед Обыль в урмане убили необыкновенное чудовище: «постав человеческий, росту арш. 3-х, глаза один на лбу, а другой на щеке, шкура недовольно толстой шерсти, потонее собольной, скулы голая, у рук вместо пальцев кокти, у ног пальцев не имел, мужеска пола». Такое сведение привез в с. Полновацкое священник Михей Попов, которому на р. Мазыме, куда он ездил для исполнения треб, рассказывал старшина Тарлик. Отставной урядник Андрей Шахов послал об этом 16 декабря 1845 г. «доношение» в березовский земский суд. Там того же числа «приказали»: копию донесения урядника препроводить при указе к и. д. кондинского отдельного заседателя Кожевникову, с нарочным казаком, «велел ему, Кожевникову, тотчас по получении указа отправиться на место происшествия и противу означеннаго доношения сделать личное удостоверение, и если по таковому окажется оное справедливым, как изъясняет урядник Шахов, то велеть ему, Кожевникову, застреленнаго из ружья промышленниками инородцами необыкновеннаго возраста человека с глазами на лбу и на щеке доставить со всею сохранностию в Земский суд в натуральном онаго виде и сколь можно поспешнее, и о происшествии, каким образом оное сопровождалось, произвести подробное удостоверение и также представить в суд». Об этом донесено было тобольскому губернатору и губернскому правлению.

Заседатель Кожевников немедленно отправился на р. Мазым, но на пути встретились разного рода препятствия, в виде бездорожья, отсутствия оленей, невозможности ранее 5—6 дней отыскать самоеда и остяка, застреливших какое-то чудовище. Указав на то, что чудовище будто бы добыто в октябре, а следовательно могло быть расхищено зверями и занесено снегом, что скоро отыскать едва ли возможно, ввиду своего нездоровья и приближения времени сбора ясака, заседатель донес, что он возвратился обратно, а на розыски командировал урядника Никифора Ямзина. Последний явился с розысков 27 декабря и донес, что он отыскал «зверопромышленников, застреливших будто какого-то чудовища».

Это были: Казымской волости некрещеный самоедин Подарутиной ватаги Обыль, 45 лет, и остяк Деньщиковского отделения Вартлинских юрт Фалалей Анисимов Лыкысов, 32 лет. Обыль объяснил, что вместе с Фалалеем нашли в лесу «какого-то чудовища, облаянного собаками, от коих он оборонялся своими руками; по приближении 15 сажен к боку из заряженного ружья Фалалей стрелил в онога чудовища, которое и пало на землю. Осмотрели его со всех сторон, орудия при нем никакого не было, ростом 3 аршина, мохнатой, не имелось шерсти только на носу и на щеках, шерсть густая длиной в полвершка, цвету черноватаго, у ног перстов нет, пяты востроватыя, у рук персты с локтями, для испытания разрезывали тело, которое имеет вид черноватой, и кровь черная, чудовища сего оставили без предохранения на том месте». Показание остяка Фалалея Лыкысова пошло в разрез с показанием Обыля. Не отвергая, что с Обылем ходил на промысел, он «никакого в яву чудовища не находил и не видал, кроме во сне видел подобнаго рассказу чудовища, по пробуде рассказывал Обылю, который, вероятно, с сего нанес слух, или может сам он убил такого чудовища». После этого Ямзин старался розыскать, по указанию Обыля, место, где убито чудовище, но розыскать не могли. Обыль даже и примет никаких не нашел и высказал предложение, что то чудовище кем-либо взято.

Интерес к чудовищу все возрастал. Земский суд настойчиво требовал от заседателя представить чудовище. А земский исправник, успевший уже заинтересовать этим тобольского губернатора, дает кондинскому заседателю 18 февраля 1846 г. следующее предложение, которое озаглавлено: «о само-нужнейшем»: «Чрез посыланнаго мною в Тобольск с казенными бумагами нарочным козака я получил от его превосходительства господина состоящаго в должности гражданскаго губернатора, сверх сделаннаго им мне письменнаго предписания еще словесное приказание, чтобы непременно найти застреленное на промыслах инородцами необыкновенное чудовище. А как открытие онога возложено мною на вас, и об этом имеете вы предписание как от земскаго суда, так и от меня собственно от 8 до 29 числа истекшаго Генваря за № 10 и 33, но до сих пор не получено от вас никакого донесения о последствиях ваших розысков, то поэтому, объявляя вам о вышеозначенном приказании его превосходительства, я наистрожайше предписываю вам употребить всевозможное старание к не-пременнейшему отысканию означеннаго застреленнаго чудовища, не взирая ни на какие невозможности, ибо в противном случае оправдания в этом приняты в резон не будут, а напротив послужат доказательством нерасторопности, бездействия и нерадения.

При чем обязываю вас, когда найдете вы это чудовище, то старайтесь как можно со всею сохранныостью доставить оное в Кондинск, и тотчас же прислать ко мне нарочнаго с донесением об этом, ибо я сам пребуду в Кондинск для сделания по этому предмету дальнешаго распоряжения, в случае же бы паче чаяния неотыскания этого чудовища, то вы о последствии ваших розысков так и о причинах молвы об этом чудовище, от чего таковая произошла, должны со всею подробностью и немедленнейше донести мне и земскому суду.

Впрочем я остаюсь в надежде, что Ваше Благородие, употребив деятельность свою и старание к розыску, не заставите себя описывать означенной подробности, но найдете и доставите в натуре застреленное чудо». Подписал: «В должности Березовского земского исправника Кучеровский».

Предписание написано исправником собственноручно четким, красивым почерком, каким писали наши деды.

А стиль? Тут и деловое вступление, приказание, инструкция, указание на последствия неисполнения (бездействие, нерадение) и наконец тонкая просьба.

Получив такое предписание, мог ли заседатель не исполнить его? Он немедленно отправился чрез Малоотлымское село и юрты Сартын — Горт в реку Мазым. В вершинские Мазымские юрты, отстоящие от Кондинска в 200 верстах — местожительство остяка Фалалея Лыкысова. Туда же был доставлен и самоед Обыль, по прозванию Подарутин. Видимо, на последнего заседатель возлагал большие надежды и применил в разговоре с ним особо осторожные приемы. Через переводчика Кокоулина заседатель предупредил Обыля, «чтобы он ни малейше не имел в мысли своей какого-либо подбострастия, как к бывшему хозяину своему (Фалалею), так по нехристианству суверенного мщения (от считаемого им, Обылем, дьявола) чудовища, которого застрелил его хозяин Лыкысов». Последствием таких приемов было то, что Обыль в присутствии многих свидетелей обнадежил, что он отыщет и укажет, где убито чудовище, лишь бы хозяин его Фалалей Лыкысов довел до ночлежного шалаша, от коего происшествие было не в дальнем разстоянии.

Оставалось получить подтверждение от Фалалея (заседатель называет его уже Пантелеем) Лыкысова, которого заседатель: «розыскным разговором испытывал о происшествии застреленного чудовища, о месте и проч.».

К удивлению Лыкысов заявил, что Обыль «ложно разгласил». «Бывши с Обылем на промысле, говорил остяк, в одну бурную ночь действительно приснилось ему, что будто повстречался на пути по облаянии собаками с чудовищем (дьяволом), ростом более 5 аршин, остроголовый, всего в шерсти, отчего и лица, как помнит, не заметил, но наружный вид был весь похожий на человека; будучи в испуганности от такого чудовища, как будто на яву, для предохранения своей жизни стрелил из ружья и то чудовище пало на землю; при сем последнем видении его, Пантелея, Обыль начал рубить дрова и от сего он, Пантелей, пробудился, тогда же сварили пищу, сели есть, то он, Пантелей, Обылю рассказал свой сон, о котором по приходе домашним говорил, на яву же такого происшествия не было, в чем и уверял решительно».

Обыль стоял на своем: «пусть хозяин отыщет и укажет тот шалаш, где имели ночлег, а от сего он, Обыль, может отыскать место, где убито чудовище».

Ввиду такой категоричности заявления самоеда заседатель наладил целую экспедицию, взял урядника, Обыля, Пантелея, одиннадцать остяков и двух самоедов. Дорогой Обыль все обнадеживал отыскать чудовище. Это было в конце февраля. Шли на лыжах сутки. Наконец, экспедиция прибыла к самому интересному пункту. Вот шалаш из еловых ветвей в густом лесу, в логовине при речке, впадающей в реку Вохлым. Интерес участников экспедиции достиг наивысшей точки: вот-вот Обыль укажет предмет поисков. Но тут случился совершенно неожиданный оборот. Самоедин Обыль, «когда потребовано было от него указать место, где убито чудовище, сказал, что ничего нет, хозяин видел во сне, и подтвердил все те слова, что объяснил Пантелей». Легко себе представить разочарование заседателя и его спутников. «Всеми мерами» Обыля стали убеждать указать отыскиваемое место, но он решительно утверждал, что никакого чудовища он не знает, и объяснил, что сон, рассказанный хозяином, он передал своим родовичам, желая по-

хвастаться тем, что убили Куль или Менн (дьявол) и что он никак не предполагал, что его рассказу будет придано такое значение.

Печально было возвращение экспедиции с поисков. Полное разочарование, неудача. С прискорбием, конечно, пришлось донести об этом исправнику, который, в свою очередь, донес губернатору и губернскому правлению.

Дикая, темная история. Все фигуры в ней характерны.

Без конца отравляют алкоголем мозг остяков и самоедов. Недостаток водки аборигены севера восполняют, как говорят, наркотическими настойками, напр., настойкой из мухомора.

В беспросветную бурную ночь в глухом лесу чего только не представится в отравленном мозгу дикаря-охотника.

Но все это, так сказать, в порядке вещей.

А вот земский суд и эти «доношения», предписания, рапорты и целая экспедиция с заседателем во главе в поисках за чудом, — это как?

* * *

В заключение не могу не привести отрывок из старой сургутской статистики.

В березовский земский суд была представлена «отчетность по управлению сургутским участком со статистическими сведениями за 1858 год». В этой «отчетности» обращают на себя внимание такие рубрики и ответы на них:

1) «Дворянские выборы: дворянских выборов в Сургутском участке не производится»;

2) «Народная нравственность: заметный порок у черного народа, в особенности у инородцев, есть пьянство, противу которого принимались меры»;

3) «Благонадежность»: благонадежность зависит от усмотрения Березовского Земского Суда»;

4) «Заключение»: «Земский Суд из сего отчета изволит усмотреть касательно управления участком».

г. Тобольск.

8 февраля 1909 г.

Сообщ. П. Маковецкий.

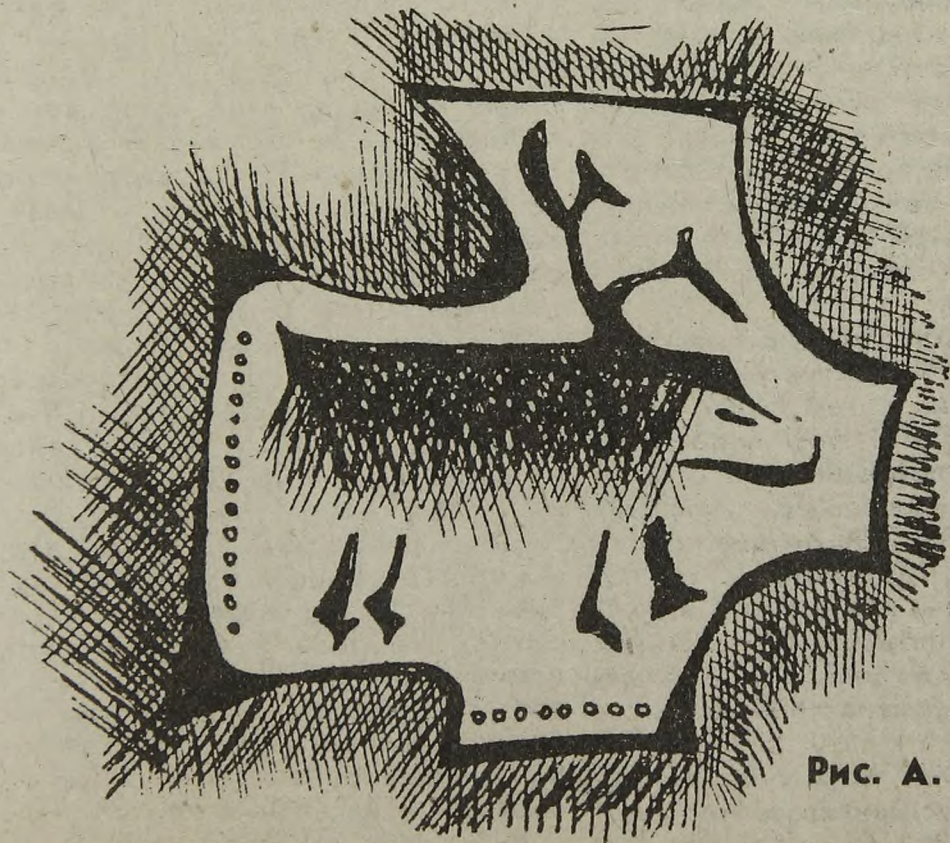

Рис. А. Мухаметовой

БЕРЕЗОВ, ГОРОДОК ДЕТСТВА.

А. ПЕРВОВ

БЕРЕЗОВ расположен на трех холмах левого берега реки Северной Сосьвы, и насчитывалось в нем в начале века около сотни домов, в том числе шесть двухэтажных, главным образом, принадлежавших местным купцам. В городе имелось две церкви каменные, одна из них соборная. Театра или кино не существовало. Школы были две: одна — церковно-приходская, с четырехлетним обучением — стояла недалеко от яра у собора. Напротив было мужское городское училище с четырехлетним обучением. Помимо них была еще двухэтажная каменная школа недалеко от городского кладбища. Называлась она «комитетом», в ней было семилетнее обучение: четыре года — совместное, а с пятого класса обучались только одни девушки. Окончив эту школу, они имели возможность после сдачи особого экзамена быть учительницами в начальных классах. При этой школе был интернат для приезжих девушек за особую плату с родителей.

Сам Березов был тихим, оторванным кусочком государства. В нем почти не случалось воровства, а тем более преднамеренных убийств. Летом сообщение было пароходами, приходили они обычно в конце мая, а заканчивалась навигация числа 10—12 октября. Пароходов ходило немного, от трех до пяти, и те все буксирные, прибытие их было радостным событием после долгой зимы и весенней распутицы, когда все запасы муки, сахара и остальных продуктов приходили к концу.

По установившейся традиции первому пароходу всегда устраивалась торжественная встреча. Раньше всех идущий

пароход замечали пожарники с городской каланчи, дым от него просматривался километров за тридцать, когда он еще двигался по реке Пырсиму, соединяющей Северную Сосьву с Обью. В то время пользовались только этим проходом, путь, проложенный впоследствии, в 1937—38 годах по реке Вайсовой, считался невыгодным, более длинным, и только в связи с обмелением Пырсима судоходной артерией оказалась Вайсовая.

Как только замечали пароход, на пожарной каланче вывешивали флаг. Это было сигналом для всего Березова. Мы, босоногие мальчишки, увидев флаг, бросались вдоль улицы по направлению к пристани с громкими криками: «Пароход, пароход идет!». Этого было достаточно, чтобы во всей сотне домов Березова через 5—10 минут было известно об этой новости. При подходе парохода, после первого гудка, ему отдавался салют из трех пушек. Пушки эти лежали около соборной церкви и, по рассказам стариков, были сосланы Екатериной II как принадлежавшие Пугачеву и захваченные у него после разгрома восстания. Ротой солдат стоявшего в Березове гарнизона эти пушки были установлены на деревянных лафетах на среднем бугре, где сейчас находится памятник жертвам революции. К приходу парохода обычно собиралось почти все население Березова. От приезжих и команды парохода узнавали новости. Привозилась почта — газеты, журналы, письма. В это время телеграфа в Березове еще не было, он впервые был проведен осенью 1913 года. Вполне понятно какую радость вызывал у населения приход парохода.

В Березов мы переехали из Тоболь-

ска в середине лета 1905 года. Город мне сразу понравился: хотя небольшой, но привольный, есть где купаться. В то время на берегу Сосьвы у Богородской церкви всегда стояло несколько плотов строевого леса. Мы собирались трое-четверо и занимались ошкуривать бревна. За каждое очищенное от коры бревно мы получали по копейке и для нас было счастьем, если мы зарабатывали за день 12—15 коп. Это считалось для нас, семилетних малышей, большим заработком, т. к. даже мужчине на сенокосе, например, платили в день 1 рубль и это тоже считалось высоким заработком.

Осенью 1907 года я был принят в церковно-приходское училище. Школа эта находилась напротив городского мужского училища. Ее я закончил успешно в 1912 году и осенью пришлось держать экзамен для поступления в городское училище, это было обязательное правило для всех поступающих. Для меня была большая радость, что я оказался принятым в училище.

Зимой ученье, летом полтора месяца рыбалки в неводной артели, а затем все своим чередом: детские забавы, игры и посильная работа, если такая находилась. Чаще всего скоблил бревна, на краскотерке растирал краску, красил полы, штакетники. И главное — лес. Почти ежедневно собирал грибы, ягоды.

С 1911 года большую часть времени мы жили в профессиональном классе. Это была школа трудового воспитания, она давала знания по столярному искусству ученикам городского училища. Школа эта была построена почти напротив собора. Занятия проводились три раза в неделю, работа начиналась в 5 часов вечера, продолжалась два часа. Ученье было бесплатное и добровольное, но все поголовно мальчишки с огромным удовольствием постигали это искусство, и надо сказать не безрезультатно. Школа была оборудована хорошо, на каждого ученика был свой инструментальный шкаф, стояло два токарных станка с приводами ножным и от махового колеса двух метров в диаметре. Изготавливали всевозможную мебель. Первые изделия были простые, затем

переходили к более ответственным вещам — стульям, шкафным полочкам, этажеркам, диванам, гардеробам, буфетам, письменным столам. Так, моей выпускной работой в 1915 году был письменный стол на двух тумбах, отделанный точеными и резными украшениями. Это была моя лучшая работа, весь стол был отполирован спиртовым лаком и политурой на шерлаке. Такие же вещи делали и другие ученики.

Учителя у нас были хорошие. Заведовал профессиональным классом Иван Семенович Колесников. Он очень хорошо относился к ребятам, прощал и не наказывал за провинности. Достаточно было небольшого внушения и провинившийся чувствовал себя не в своей тарелке.

Мы очень любили игру в чехарду. Обычно приходили на занятия минут за 30—40 и, разбившись на две партии, кидали жребий, которая будет принимать всадников и которая прыгать. Наши педагоги по труду обычно усаживались на верстаки (я имею в виду самого заведующего и его помощника Маркияна Федоровича Первова, моего недалекого родственника). Сидя, они забавлялись неуклюжестью некоторых прыгунов. Когда игрок недостаточно далеко прыгал или сваливался, партия в этом случае считалась проигранной и «кони» превращались во «всадников», а первые должны были стоять и выдерживать прыгавших на них «наездников». Следя за ходом игры, учителя одновременно посматривали в окна, выходящие во двор, держа под наблюдением вход в мастерские. Дело в том, что директор училища Федор Филиппович Ларионов, человек высокообразованный, любил во всем порядок, и его все боялись, получить от него нагоняй никто не желал — вот и приходилось наблюдать. Он нередко заходил в мастерские, наблюдал, как работают ученики, как усваивают технику изготовления предметов, делая свои замечания. Но он запрещал нам игру в чехарду.

В Березове квартировала рота солдат. В летнее время они тренировались в лагере среди тайги, где были прорублены аллеи, засыпанные красноватым песком. Тут же — небольшая площадь, на ней спортивные снаряды —

перекладина, кольца, ров, через который надо было перепрыгивать, бревно, по которому надо было идти, удерживая равновесие, лестницы вертикальные, наклонные и еще ряд подобных снарядов для упражнений. Тут же стояли санные чучела для обучения штыковому удару. Весь лагерь был обнесен оградой, выкрашенной в белую и черную полоску, как железнодорожный шлагбаум. Вход в лагерь был украшен красивой деревянной аркой.

Мы очень любили присутствовать при занятиях солдат, издали наблюдая за ними, в особенности во время учебных стрельб. Как только кончались стрельбы, мы гурьбой устремлялись к мишеням и отыскивали пули. Обычно у входа в землю от пули шел след. Столовым ножом ощупывая проход, мы добирались до пули. Пули нам нужны были ради свинца, который мы вытапливали из них, а свинец требовался для отливки грузил к переметам. Отливали их в виде колокольчиков, цилиндров, продолговатых фигур, тонкий конец скручивался, образуя дужку — за нее и цеплялся конец перемета, выбрасываемый в реку. Для грузил свинец мы приобретали и из другого источника, им была винная государственная лавка. Вино привозилось в деревянных опломбированных ящиках и по знакомству мы выпрашивали десятка полтора-два пломб. Но этого было для нас недостаточно, и мы ухитрялись откручивать пломбы на пристани. Таким образом у нас всегда был запас пломб для отлива грузил.

Лагеря служили местом тренировки не только солдатам, они и нам приносили пользу. Мы тренировались так же искусно лазить по шестам, взбираться на руках по лестнице, перепрыгивать ров, крутиться на турнике, ходить по бревну или по широкому бруску, это всегда доставляло нам большое удовольствие. В лагере, кроме этого, мы устраивали игры — например, с мячом. Играющие разделялись на две партии, в каждой количество игроков не ограничивалось, иногда доходило до 13—17 человек — чем больше, тем лучше. Двое руководителей бросали жребий, кому бить по мячу, а кому бегать. Для этого служила палка. С одного конца она обхваты-

валась ладонями сперва одним, потом другим и так до тех пор, пока которому-то из руководителей уже не за что было схватить палку или лапту, как ее именовали (да и сама игра чаще называлась лаптой). Тот, кому не за что было ухватиться у лапты, должен был со своей группой ловить и подавать мяч. Чтобы силы были равны, прием в группы производился так: двое желающих играть уставлялись называться, например, «Волга» и «Обь», подходили к одному из руководителей и спрашивали, что он выберет. В зависимости от ответа игроки распределялись по командам. До начала игры устанавливалось место, с которого должны были бить мяч и от него на расстоянии 35—40 метров — сборный пункт, или так называемое «сало», добежавший до него игрок был уже защищен от удара мячом. Один из ловящих «подавал» мяч, т. е. подбрасывал его, а бегун должен был палкой ударить по мячу, чтобы он как можно дальше летел. Если это удавалось, игроки команды бежали к «салу», но бежать мог только тот, кто уже бил по мячу, но если промахнулся, или удар был слабый и мяч отлетел недалеко, это не давало возможности тронуться с места без риска попасть под удар мячом, т. к. ловящие могли его перебрасывать друг другу быстрее, чем бежит противник. Если в тебя сумели попасть мячом, то ролями менялись: те, которые бегали, становились ловить мяч, а ловцы теперь уже бегали. Партия бегунов всегда старалась не попадаться и как можно дольше выполнять свою роль.

Иногда с нами играли и взрослые, с ними было интереснее. Лаптой увлекались и солдаты гарнизона, и когда они нас принимали в игру, мы были очень рады, хотя солдатские удары были основательно болезненны.

Распространена была в наше время и игра в городки. Создавались партии игроков по тем же правилам, что описаны выше. Взрослые в городки играли чаще, это была любимейшая игра, и каждый раз мы включались в нее, игра вместе со взрослыми льстила нашему самолюбию. Мы были вездесущи и липли к ним, «как мухи к меду».

О таких играх, как футбол, волейбол, мы не имели даже представления.

В дореволюционное время в Березове никаких увеселительных учреждений не было — ни кино, ни тем более театра. Даже библиотеки с читальным залом и то не существовало. Правда, были небольшие школьные библиотеки, но количество книг в них было ограниченное и подбирались они главным образом для учеников, так что жителю Березова книгу негде было и взять.

В большие праздники (Рождество, Новый год, пасха) любителями, большей частью педагогами, их женами и женами чиновников, ставились спектакли. Артисты, между прочим, были неплохие и спектакли всегда воспринимались публикой с восторгом. Ставились пьесы «Медведь», «Сестры», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Предложение», «Не в свои сани не садись», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и другие. Специального здания для постановок пьес приспособленного не было, для этого использовалось городское мужское училище, оно имело широкий коридор во всю длину здания. В одном его конце устанавливали помост, декорации. К каждой пьесе имелись соответствующие декорации, так что во время спектакля даже забывалось, что сидишь в театре, а воспринимали все как в действительности. Сборы со всех спектаклей, как правило, шли в помощь школе, для беднейших учеников, на приобретение книг для библиотек и т. д. На доходы от спектаклей были приобретены для струнного оркестра инструменты: балалайки, домры, мандолины, а в 1914 году были приобретены инструменты для духового оркестра.

Ставились спектакли и в солдатской казарме. Кровати и все оборудование выносилось и заменялось подмостками и стульями. Солдаты тоже ставили неплохие пьесы, причем, женские роли исполняли мужчины и всегда удачно. Видимо, были театралы с хорошими способностями. Для нас, детей, объединенными силами женского и мужского училищ ставились детские спектакли, чаще всего в Рождественские и Новогодние праздники — раз или два в год. В женской школе ставилась елка, и обыч-

но вся наша школа бывала там. Спектакли детские и елка заканчивались всегда угощением — чаем с яблоками, конфетами и сдобными булочками, а потом — общие игры, танцы. После каждого такого вечера оставались большие впечатления и надолго.

Кроме этого, у нас проводились воскресные чтения. Учителя женской, каменной школы каждое воскресенье с шести часов вечера проводили читку произведений выдающихся писателей. В то время нам очень нравились рассказы Чехова, Куприна, Тургенева, Толстого, Горького и новых писателей, печатавшихся в популярных журналах того времени. На читки приходили все желающие, большей частью молодежь и мы, учащиеся, пожилых было на них очень мало. Всегда соблюдался образцовый порядок, стояла абсолютная тишина, прерываемая только взрывами смеха, когда в произведении попадались смешные эпизоды. Конечно, на трагических местах не обходилось без слез.

После рождественских праздников наступали святки. В это время молодежь увлекалась маскарадами. Обычно объединялись в партию попарно девушки и парни человек 16—18, среди них был и гармонист с двухрядкой. Баянов в Березове в то время не было, и я даже не имел представления, что существует такой инструмент. На маскарады каждый вечер тщательно готовилась вся группа. Договаривались заранее, как одеваться, шили специальные костюмы, если не было подходящих от прошлых лет. Вся группа была однородной: если улавливались быть «украинцами», то девушки как одна были похожи на украинок, а «парубки» тоже не отставали от своих подружек и без слов сразу было понятно, какую роль взяла на себя группа маскированных. В группе обычно бывало по одному «старика» и клоуну. Их обязанность была веселить всех и после долгое время вспоминались их проделки. Иногда вместо «старика» или клоуна выступал черт с рогами, хвостом и бубенцами, во всем черном. На другой вечер группа уже одевалась цыганами, венграми и т. д. Если было организовано 5—6 групп, то каждая из них

старалась лучше одеться, показать себя в танцах, в тактичности и вызвать у зрителей восхищение. Обычно хождение по домам продолжалось до 1—2 часу ночи, к утру всем надо было на работу. В 6—7 часов следовало быть уже на ногах.

К приему маскированных обычно тоже тщательно готовились. Из комнат выносились лишние вещи, чтобы было место, где бы гости могли потанцевать. Дома в Березове в это время имели на окнах ставни, и когда хозяева хотели, чтобы группа маскированных заходила к ним, ставни открывались, к окнам ставились лампы или свечи, что служило приглашением заходить в дом. Часто, чтобы было виднее, у ворот дома на длинном шесте вывешивался фонарь — это уже говорило, что здесь очень ждут развлечений от гостей. Танцы были простые — полька, венгерка, казачок, русская, краковяк, кадрили, мазурка, вальсы. Желающих принять у себя группы было до 20 домов. Партий обычно ходило от 5 до 7, не считая мелких, сборных. Поэтому иногда в некоторых домах не успевал никто и побывать. Хозяева почти всегда безошибочно узнавали, кто в партии, Березов-то был небольшой, и каждого знали наперечет.

Бурно проходили святки. К шестому января все прекращалось, маскарадные дни пролетали и все входило в свою обычную колею. В крещение все, кто занимался ряженьем, усердно отмывались освященной водой, смывая свои грехи перед богом. Этикет того времени требовал этого, и молодежь безропотно выполняла. Наступали будничные дни, у каждого своя работа, своя забота. Многие девушки-участницы маскарадов превращались в обычных горничных, работающих у местных купцов и чинов-

ников, и ничто уже не напоминало об их милых проказах в святки.

Весело проходила и масленка. Парни объединялись компанией и устраивали катушку. В землю врывалось несколько столбов, на них устраивался настил, лестница для подъема на катушку, головная часть и скат засыпались толстым слоем снега, который сильно утрамбовывали, все это заливалось водой, чтобы образовался лед толщиной до 5 сантиметров. Улица имела уклон на север и дорожка от катушки тянулась метров на двести и более. Условия, на которых можно было кататься, заключались в том, что желающий должен был привезти несколько бочек воды для полива катушки и дорожки от нее или принять участие в строительстве. Остальные катались при условии платы, она состояла из пяти копеек за вечер. С наступлением темноты катушка освещалась разноцветными фонарями, сделанными из цветной бумаги. В фонарь вставлялась стеариновая или жировая свеча. Народу, как желающих кататься, так и болельщиков, было предостаточно, всюду слышались смех, шутки, саркастические замечания по адресу неудачливых катающихся. Даже люди пожилые, захваченные общим весельем, брались за санки и начинали вместе с молодежью кататься. Кому кататься было не на чем, притаскивали большие санки, зачинщиками были, как водится, солидные папы лет 45—50. Они вспоминали свою молодость, и удаль. Вся ватага с шумом, песнями, смехом скатывалась с катушки, иногда сани перевертывались и снова смех и задорные подтрунивания.

Публикация В. Ю. Лыткиной, директора окружного краеведческого музея.

«О НАШЕЙ ЖИЗНИ»

В конце двадцатых годов студентами Северного факультета Ленинградского Восточного института им. А. С. Енукидзе был составлен сборник фольклорных материалов, обработанный преподавателем русского языка А. К. Подгорской. Он был отпечатан на машинке и состоял из двух разделов: «Север» (129 страниц) и «Восток» (56 страниц). Материалы были собраны по отделам: «Старый и новый быт», «Промысел», «Сказки и рассказы о животных».

В сборнике впервые фольклор народов северных и восточных окраин страны был представлен самими туземцами. Студенты считали, что концентрация их рассказов, сказок, загадок, пословиц и поговорок является «шагом по пути культурного развития туземцев».

Мысль создать такой сборник у Александры Константиновны Подгорской появилась еще в 1926—27 учебном году. Сделать это было нелегко, так как северяне почти не знали русского языка. Однако, благодаря ее настойчивости, в 1927—28 учебном году была составлена первая часть сборника, за ней — вторая и третья. Наиболее активными были двадцать студентов, в их числе — вогул Пакин.

На этом материале, целью которого было дать книгу для чтения детям туземных трудовых школ и студентам подготовительных групп Северного факультета, Подгорская провела интересное исследование и выявила особенности речи авторов сборника. Среди них — преобладание имен существительных и очень малое использование прилагательных, редкость сложных предложений, предпочтение прямой речи и однокоренным словам. При обработке рассказов Подгорская стремилась сохранить язык, детализацию повествования и исправляла только ошибки в согласовании и управлении.

В июле 1929 года Подгорская в предисловии к сборнику обращалась к преподавателям вуза и туземных школ на местах с просьбой дать отзывы о рукописном сборнике студентов, так как любое замечание считала очень важным.

Ниже публикуются некоторые пословицы, народные приметы, поговорки и загадки из сборника «О нашей жизни», а также сказка «Женский лесной дух», опубликованная студентом-остяком Т. Вогулькиным в журнале «Тайга и тундра» — издании краеведческого кружка института народов Севера (№ 1, 1928, стр. 49—52).

Е. Кузакова

І. Пословицы.

Самоедские: Не перо пишет, а писарь; Дитя, которое само упало, не плачет; Волчья шуба летом нехороша.

Тунгусские: Если случится беда, друзья далеко; Умный во время учения мучится, а глупому все легко; Не зная, что впереди, не шагай вперед; Иной стрелок стреляет редко, да попадает метко; Не видя речки, не снимай обутки; Рыбы собираются, где хорошая тина, а люди — где хорошие нравы.

Вогульские: Чем плохую собаку кормить, лучше ее убить и рукавицы сшить; Нетрудно заблудиться, если вокруг густой черный туман; Просить дурно, а не дать просимого еще хуже.

Ительменские: Языком все сделаешь, а руками — призадуматься; Когда много народу — береги слова; Не хочешь холоду, полюби охоту смолоду; Неграмотному лучше не браться за большие дела.

Камчадалская: Ест за трех человек, а работает хуже калек.

Корякская: Жирная собака всегда весела.

Ульчские: Рано кукушечка закуковала — язык отморозишь; Больше слов — горько, меньше — сладко; Иной журит и всегда сердит, а не вредит, а иной смирен и на словах прекрасен, а он-то и опасен.

Остяцкая: Сильно захочешь и на дерево полезешь.

Лопарские: Чем завтрашний жир, лучше сегодняшние легкие; По кривой дороге поедешь, скорее доедешь.

2. Народные приметы.

Ульчские: Если во время ночевки в тайге или на берегу озера прилетит филин или кукушка и начнут выть низким медвежьим голосом, то в роду у присутствующих здесь убьют медведя или поймают медвежонка; Если филин хохочет, как человек, то из семьи его слушающих обязательно кто-нибудь умрет; Если лисица подойдет к спящему человеку с восточной стороны и будет лаять, то в семье кто-нибудь умрет, если с западной стороны — то ее скоро убьет охотник.

Самоедские: По облаку можно знать, откуда завтра будет дуть; Если водяные улитки к берегу собираются или поверх воды песок плывет — это к наводнению.

Остяцкие: Если звезды мелькают или дрожат, то будет ветер; Если при заходе солнца небо розовое, то на другой день будет хорошая погода.

Гилякская: Когда ворон купается, будет плохая погода.

Лопарская: Если во время наводнения в сети рыба не попадет, значит вода скоро начнет убывать.

Ительменская: Если при засухе в сети рыба не попадает, жди наводнения.

3. Поговорки.

Ительменские: Пастух живет 60 лет, а сыт бывает 30 лет; Собака живет 18 лет, а сыта — девять лет. Богач живет 90 лет, а кушает 180 лет.

4. Загадки.

Ульчские: Идут два брата, друг друга перекликают. Один кричит: «Ты, брат, обожди», а другой — «Ты, братишка, обожди», а на самом деле никто ни от кого не отстаёт; Белая мука боится тепла.

Тунгусские: Белые люди рубят, а красный все подбирает; Десять человечков и все с костяными затылками; Два паруса, а один утес объехать не могут.

Остяцкая: Несколько плясунов на одном месте плясали и друг другу мешали.

К сожалению, ответов на загадки нет. Возможно, ответы знают нынешние поколения народов Крайнего Севера?

ЖЕНСКИЙ ЛЕСНОЙ ДУХ

Лет полтора года назад в Нижне-Лумпакольской волости один остяк поехал на Обь ловить рыбу. Свечерело. Он ловил рыбу продольником. Поплыл к берегу и увидел на песке глухаря. Смирно сидит. У остяка не было ружья.

Пожалел. Бросил в глухаря горсть песка. Глухарь немного пролетел и опять сел. Тогда остяк погнался за ним. Догоняет. Остяку стало жарко, он снял с себя куртку. А глухарь все по земле бежит. Вдруг остяку показалось, что его давно умершая мать сидит на суку и качает ногами. Она сказала:

— Сын, мой дорогой, я тебя долго ждала. Приди, я хотя бы поцелую тебя.

Остяк обрадовался и подошел к ней. Наклонился поцеловать свою мать — и потерял сознание. Очнулся и видит, что она летит и несет его на крыльях; через реку Обь несколько раз перелетела. Прилетела к себе домой. Вот она начала за ним ухаживать. Говорит:

— Будем вместе жить, как муж с женой.

У нее было много мехов и всякого добра. Все жилище было обложено мехами. Остяк не соглашался жить с ней. А она все тащит его к переднему углу комнаты. Остяк же думал о доме, о семье, о детях, о жене и стал горько плакать. Она же говорит:

— Не плачь о доме. Я им даю промысел, всех зверей и птиц посылаю. Я вижу твоих людей, которые охотятся. Оставайся.

Но остяк не согласился. Идет на улицу, думает убежать, но всегда невольно приходит к дому женщины. Звери бегают около него, но он не думает о них и не стреляет.

— Почему не убиваешь зверей?

— Не вижу их! — отвечал остяк.

— Так не горюй, будем жить до первого ребенка, а потом уйдешь домой, я пойду с тобой. Ты будешь жить со своей женой, а я с твоими братьями.

Остяк не соглашался. Она звала к переднему углу. Подойди он к переднему углу — перешел бы к ней и остался у нее. В избе было всегда мало света. Она же была красавица, но имела длинную бороду.

Женщина долго уговаривала его. Один раз они вместе пошли на охоту. Она сказала:

— По пути зайдём в гости к моему старшему брату.

Пошли. Поохотились. К вечеру она повела его к своему старшему брату. Этот не знал об остяке. Удивляется человеку. Она говорит:

— Милый брат, я глупо сделала, без твоего приказания привела к тебе человека.

Брат сказал:

— Это твоё дело, но я знаю, этот человек не будет жить с тобой.

Остались там ночевать, утром спали долго. После обеда брат женщины говорит:

— Посмотри мои амбары.

У него было три амбара со всяким добром. В первом амбаре остяк увидел много стрел и луков, дорогие собольи и лисьи меха. Много, много было мехов. В другом амбаре были разные товары, шерстяное и красное сукно. И платье меховое из оленьих шкур. И обувь разная, всякая. В третьем амбаре стояло чучело в виде коня. На нём хозяин сам сидел, тоже в виде чучела.

— Почему это?

— Я много хожу на охоту. Для нас опасен гром. Он стреляет в нас камнями и убивает. Если из чучела потечёт кровь, то моя жена или сын будут знать, что я убит, — сказал брат женщины.

Там же был белый медведь на цепи привязан. Он бросился на остяка, когда его увидел. Но брат женщины сказал:

— Успокойся.

И зверь лег успокоенный. Он его держал вместо собаки.

— Он борется с моими врагами, он рвет врага зубами, — сказал брат женщины.

Пошли в жилище. Брат женщины говорит:

— Почему не хочешь остаться с моей сестрой?

Остяк думал о своём доме, ответил:

— Дома жена и малые дети с голоду умирают.

— Это я знаю и помогу им, только ты оставайся с моей сестрой. Скажи, что ты останешься и все сделаю, что тебе надо.

Три дня пробыли у брата женщины. Все ещё уговаривали остяка. Брат сестре сказал:

— Он с тобой не останется, отпусти его домой.

Она ещё раз его спрашивала:

— Ты будешь вечно молод, никогда не состаришься.

— Почему я таким вечно буду?

— У нас есть дух. Он нас омолаживает, когда мы старимся*. Он кладёт нас в люльку и брызжет живой водой, и люди становятся молодыми.

Остяк противился. Так прошло ещё много дней.

— Я уведу к дому тебя, не могу терпеть и таскать более на себе твоих слез. Ты так много плакал.

Она на другой день вела его по лесу. Она дала ему много пушнины, одежды — полную нарту. Идут. Приближался дом остяка. Она тут его оставила и попрощалась с ним. Говорит:

— Посмотри на меня!

Он посмотрел на неё и увидел: его слезы бегали по её ладони, словно живые маленькие зверьки.

— Вот твои слезы, — сказала она и брызнула ему в глаза.

* Его зовут «людей делающий дух» или ещё «новую жизнь качающий дух-город».

Потом она ударила остяка по спине и выругалась:

— Не остался у меня — помирай горбатым. Со мной ты жил полгода и за это дам тебе в жизни лишь один счастливый день. Твое поколение немного увеличится и после вымрет. Оно никогда не увеличится.

Он оглянулся. Ее уже не было. Он стоит у конца своей деревни. Не может идти к своему дому. Один мужик подошел. Ему крикнул:

— Привяжите собак и уберите (сор) в избах. Огни сделайте (зажигайте) не яркими.

Мужик сообщил об этом по домам. К вечеру остяк появился в своем доме. Тут его встретили родные и плакали. Ему сказали:

— Мы жили очень хорошо.

Он через несколько дней утром вышел на улицу и в клетке для собак увидел пять выдр. Взял палку и всех их убил. Это был его счастливый день. Прошло две недели и он захворал. Ослеп. У него появился горб. И так он скоро умер.

Рис. А. Мухаметовой

ОЧЕРКИ СИБИРИ. ТОМСК.

...Дорога в Сибирь оказалась менее интересна, чем я ожидал. Уральские горы не произвели на меня особенного впечатления. Волнистая линия гор, обросших щетинистым лесом пихт и елей — вот и все. Темно, пожалуй, мрачно, но однообразно, так что впечатление получается тусклое. Быть может, в этом виновато небо — оно окутало горы хмурыми сентябрьскими тучами и моросит на них мелким унылым дождем. Только поезд наш, словно черепаха, медленно взбирающийся по уклону горы, представляет, быть может, нечто оригинальное на этой дикой картине. Но я горю желанием видеть Сибирь, мне хочется поскорее расстаться с поездом, и меня раздражает этот резкий свист паровоза, каким-то диким хохотом врывающийся в чащу угрюмых елей. Мне нравится эта вековая тишина диких гор, мне жаль эти важные, молчаливые деревья. Я знаю, это гремящее, пронзительно и страшно свищащее чудовище убьет их и снимет иглистую одежду с туманных гор. Дальше и дальше, мимо расписанных станций, мимо Екатеринбурга, — хотя, к слову, сказать, очень хороший и нешаблонного типа город, — мы за столбом, позади нас Европа, впереди Азия. Я ждал какого-то особенного впечатления от этого столба. Ничего интересного в столбе не оказалось, да и за столбом пока еще мало любопытного. Те же поля, та же рожь, те же «рассейские», — я теперь довольно чисто выговариваю это слово с надлежащим акцентом, — лица. Только громадные деревни с прекрасными постройками, как-то не гармонирующими с понятием о мужицкой деревне, говорят тебе о сибирско-мужицком царстве.

В Тюмени мы сели на пароход и двинулись по Туре. Ни Туры, ни Тобола, ни Иртыша я описывать не буду. Пусто, диковато, безлюдно — вот и все. Я, впрочем, не особенно занимался ими, — я ждал Оби. Меня чрезвычайно интересовала эта безбрежная река, эта русская Амазонка, где бывают настоящие бури, разбивающие большие суда.

Мне пришлось жестоко обмануться. Ничего печальнее, пустынное и беспринютнее нельзя себе представить. Даже громадная масса воды не поражает. Низкие плоские берега, широкие песчаные отмели, низкорослые купы деревьев, как-то вдруг вырезающиеся из воды, — все это глушит и тушит широкую массу. Даже реки нет. Так не похожа эта разлившаяся масса воды без резких очертаний берега на то представление, какое имеется у каждого о реке. Как будто пропитанная водой губка — почва вылила на поверхность избыток своей влаги, и эта болотная вода выступила безобразными пятнами, разливаясь по низинам, обходя еле-еле поднимающиеся плоскости и тихо катясь по уклону своими мутными волнами. Некрасива эта сибирская Амазонка с вечно мутным небом, с однообразными унылыми лесами, с восьмимесячною зимой, с тусклым летом.

Чем выше поднимались мы к северу, тем пустынное и тоскливое казалась река, тем ниже становились леса, тем унылее берега. Изредка вырвется крутой пригорок с приютившеюся на нем деревушкой, светлою точкой промелькнет крест церкви — и опять безлюдье, опять пустыня, опять едешь двенадцать — двадцать часов и не встретишь признаков человеческого жилья. Подойдет к пристани, посвищет пароход каким-то пустым звуком, который тотчас же и замрет на этих пустынных берегах; явятся откуда-то из леса три-четыре человека таскать дрова, подплывут две-три лодки с остяками; опять нечально посвищет пароход и опять режет он мутные волны широкой реки.

[...] Я помню один вечер. Мы стояли на пристани у Сургута. Надвигались сумерки: все было в воде. Эта вода лилась с неба мелким сеющим

дождем, мутным туманом поднималась с широкой Оби, с многочисленных озер, болот и топей, раскиданных по берегам, выползала из этой земли, кажется вечно пропитанной влагою. И эти мутные ползучие полосы тумана тяжело стлались по земле, окутывали деревья, и берега, и реку, и пароход, и землю, и небо, словно хотели превратить весь мир в туманное пятно. Еле-еле виднелась вдали церковь Сургута.

Пронизывающая сырость заставила меня сойти с парохода и пройти по берегу. На обрубке дерева, напротив арестантской баржи, шедшей на буксире за нашим пароходом и вместе с нами переживавшей туман, сидел старик, сургутский житель, и разговаривал с каким-то пассажиром нашего парохода про свое сургутское житье.

— Вот тебе и лето! И все так, — доносились до меня время от времени отдельные фразы. — Где-то солнышко проглянет, и опять дождь. И круглый год так: либо мерзлота, либо мокрота.

— Зверь обижает, — слышится мне далее. — Исправникам уж на что, кажись, не житье, и те не выживают. Повертится годик, и — дралова, и от доходов отстучается.

— Российский, российский, — слышится мне ответ старика на вопрос пассажира. — Данковские были, Рязанской губернии. Тридцать годов таскаюсь здесь. Вот к пароходу-то и выхожу, — думаю, с своей стороны кого нет ли. Да вот уж годов пять, поди, никого не видал. Везли в ту пору арестантика-гурторил, внучку пропивали.

Долго молчали собеседники.

— Худо! — как глухой вздох, послышался мне голос старика. Старик дрожал и кутался в свой дырявый азам. И опять, прерываемые вздохами, медленно потянулись какие-то сырые, зяблые слова.

Старик подошел к барже и стал перекликаться с арестантами, густо облепившими решетку баржи.

[...]...Мне давно хотелось поближе заглянуть на арестантов; я воспользовался случаем и выпросил у конвойного офицера позволение взойти на арестантскую баржу.

Представьте себе длинную и узкую барку, два конца которой заняты больницей и помещением конвойного офицера, стены палубы огорожены проволоочною решеткой и такими же дверями с висячим замком, у которого постоянно стоит часовой.

Вся эта палуба в данную минуту была занята ходившими и лежавшими на полу арестантами. Единственный фонарь с сальной свечкой спускался с потолка и тусклым, расплывающимся в тумане кольцом освещал всю эту огромную массу людей.

Арестанты пели; песня обрывалась.

— Лисицу! — раздались голоса. — И Ганьку нужно позвать: без них не выйдет.

Притащили из камеры, помещавшейся под палубой, Лисицу — громадного рыжего еврея с включенною бородою и острым, круто загибавшимся носом; привели Ганьку — тщедушного, совсем еще юного арестантика с длинною тонкою шеей; по требованию их разыскали Мехмедку-черкеса и бродягу «Царя македонского»; бразды правления вручили «Дьякону», как называли этого регента арестанты.

Пошли большие споры, что петь. В конце концов запели «Гвадалквивир». И вот стройная песня полилась по огромной реке.

«Гвадалквивир» был настоящий, как следует: было здесь и «скинь мантилью, ангел милый», и все, что полагается, хотя тут же было и «Ока не широка», «Москва не глубока». Еврей тянул высокой фистулой, Ганька пел нежным девичьим альтом, «Царь македонский» гремел октавой, «Дьякон» энергически встряхивал длинными космами русых волос и высоким тенором, подымаясь на носках, выводил верхние ноты.

Этот «Гвадалквивир», льющийся с арестантской баржи около Сургута, этот «Лисица», этот Мехмедка-черкес со страшными (я не иронизирую), глубокими глазами, этот «Царь македонский» с бронзовым лицом, перерезанным шрамом, а кругом бритые головы, серые халаты, громыхающие кандалы — все это представляло такую картину, что мне сделалось жутко.

Спели еще два чувствительных романса, — арестанты, оказывается, большие любители романсов, сентиментальных по преимуществу. Начали плясать, Плясали сперва под «барыню», потом «барыню» бросили, запели какого-то «барина». Я слышал только: «Выйди, сударь, выйди, барин, погулять...». Плясал сначала старик с молодым каторжником. Старик изображал молодую деревенскую девицу и художественно передавал стыдливые манеры деревенской прелестницы, чем возбудил всеобщий восторг публики. Все шло чинно и немножко вяло.

Но вдруг, полунаклонившись и как-то вытянувши вперед свои руки, ворвался молодой цыган в освещенный фонарем круг... Он что-то крикнул певчим, как-то гикнул горлом и понесся. Интересно было смотреть, как моментально изменилось настроение арестантской массы. Толпа раздвинулась, певшие запели с азартом учащенным темпом, подхватили все арестанты, загорелись лица. А цыган носился, запрокинувши голову назад и сверкая белками своих широко открытых глаз. Он кричал, взвизгивал, разводил руками, как бешеный, носился по палубе, вдруг моментально остановился в каком-то неправдоподобном положении и тихо, как-то истомленно-разнеженно поводил плечами и перебирал каблуками сапогов.

Воодушевился и его компаньон — все тот же молодой каторжник, высокий и стройный, с бритой головой. Он также начал выделять хитрые коленца, причем, очевидно, пользовался своими кандалами, как музыкальным инструментом. То тихо топтался на одном месте, перебирая ногами, причем кандалы мягко терлись друг о друга и довольно мелодично перезванивали, то выделял дробь — и кандалы звенели под гром его кублуков, то крупными движениями передвигался навстречу цыгану и кандалы его громыхали. Одушевление толпы дошло до высочайшей степени, когда каторжник пустился вприсядку, — как он при этом не упал, тайна для меня, — а цыган какими-то неслышными движениями, словно отделяясь от пола, начал описывать круги около приседающего.

И потом все замерло. И опять пополз холодный туман через железную решетку, окутал светлое пятно фонаря и пополз в арестантские души... Побледнели и осунулись лица, потемнело смуглое лицо цыгана, сгорбился плясавший каторжник, серые халаты слились с сырым туманом, несшимся с реки...

Я вернулся на пароход. Ветер разогнал мутный туман с реки и серые облака, покрывавшие небо. Взошла луна, холодная, как-то оскорбительно светлая, и бросила волны белого света на пустынную реку. Задрожали светлые лучи на речной зыби, побежали по мутным волнам и светлую полосой протянулись до дальнего берега — туда, где еле видною точкою мерцал костер.

Так тихо, так пусто и холодно кругом... Мрачную стеной угрюмо стоят прибрежные ели, громадную массой, медленно и беззвучно, катит Обь свои тяжелые волны.

Снова стучит пароход, снова лениво, словно нехотя, бьет своими колесами мутные волны. Сырое, холодное утро. Мелкий, сеющий дождь. Тусклое небо, тусклая река, тусклые берега. Куда-то в серую, безграничную даль уходят за нами берега, откуда-то из тусклой, серой дали выплывают навстречу нам все те же низкие, плоские берега. Куда мы едем? Зачем тянем за собою эту темную баржу, теперь молчаливую, как гроб? Хотим ли мы лечить и оживить в новой стране этих больных, раненых, искалеченных людей, или везем хоронить их в эту пустыню, где так скоро и так настойчиво является мысль о смерти? Что ждет этих пятьсот, запертых в железной клетке, людей, в той развертывающейся перед нами все шире и шире, необъятной, как море, холодной серой дали?..

◆

**Андрей
Тарханов**

◆◆◆

РОЖДЕНИЕ СТИХА

*Иду за стихами к лесному ручью.
Сначала я воду душистую пью.
Сначала с березой веду разговор
Про этот раздумчивый синий простор.
Береза смеется,
 и ласков ручей,
И музыка слышится в пляске лучей,
Рождается музыка, музыка дня.
О чудо! Она поднимает меня.
А может, душа воспарила моя?
Не знаю, не помню, не ведаю я.
Я слышу и вижу, поверьте, слова
Цветастые, как полевая трава.
И я от восторга в полете притих.
Вот в это мгновенье родился мой стих.*

* * *

Все чаще зов звезды небесной
 Касается моей души.
 Не нахожу себе я места
 Ни дома, ни в цветах межи.
 И вот, предчувствуя спасенье
 От непонятной маяты,
 Стою в ночи в лучах спасенья
 Своей загадочной звезды.

Ничуть, поверьте, не гадаю —
 Она? А может, не она?
 Звезду я сердцем ощущаю,
 Она ко мне устремлена.

Она приходит в час желанный,
 К ней тянется моя рука.
 И заживает в сердце рана,
 Уходит лютая тоска.

Звезда, свети мне в час тревоги,
 Не забывай края мои.
 Я буду знать, что ты — от бога,
 От высшей веры и любви.

* * *

Незабываемое утро —
 Горит заря,

в огне Туман¹.
 И пламенеет сердце будто,
 Душа открыла путь словам.
 Лечу над спящею деревней,
 Черемухою пахнет лог.
 Да кто же я?

Сказитель древний?
 А может, юный добрый бог?
 Вы спите, люди,

спите сладко,
 Я ваш покой оберегу.
 За ваши муки, неполадки
 Поплачу я на берегу.

А маме снится сон крикливый, —
 За то, что я правдив и смел,
 Меня уводят конвоиры,
 Меня уводят на расстрел.
 Вы спите, люди.

Я, страдая,
 Вернусь домой. Услышу я:
 — Ты где, мой сын?
 — Я здесь, родная.
 Я улетаю в твои края.

¹Туман — название озера.

СЛУЧАЙ В ДОМЕ ОТДЫХА

Давно не слышал я аккордеона —
Обветренного голоса души.
Мне говорит сосед задорным тоном:
— Давай-ка, брат, «Цыганочку» спляши.
Плясать — не сеять.

Я лихую песню
Про Ермака и про тайгу спою...
Наплывом чувств доселе неизвестных
Возносит душу грустную мою.
Берет аккорды мальчик-семиклассник
Для нас,

давно уже немолодых.
И верить хочется,
что дни прекрасны,
И надо бы беречь по капле их.
Играет он.

И, словно на уроке,
Не сводит с нот своих серьезных глаз.
Среди истерики и грома рока
Он нереальным кажется для нас.
Он словно тень живая дней далеких,
Когда без песни не было пути.
И каждый говорит ему с тревогой:
«Послушай... ты от нас не уходи...».

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Аскерову В. К.

Если бор кедровый дик,
Если он забыт и темен,
То сюда, как мрачный стих,
Прилетает черный ворон.

В чаще, где глухарка спит,
Он загадочно и глухо
Начинает свой обряд,
Как ворчливая старуха.

Он вещает, он кричит,
Он кому-то угрожает,
О грядущих бедах мнит.
Ой как много ворон знает!

И нахмурится медведь,
Песню иволга стреножит, —
Станут думать и глядеть:
Для чего он их тревожит?!
Крон-н! — Несется с высоты,
Как удар, как заклинанье, —
И предчувствием беды
Наполняется сознание.

Но когда костер зари
За рекой запыляется,
Ворон вздрагивает и...
Почему-то умолкает.

Н. КОНЯЕВ

КОРШУН

В СЕДЬМОМ классе меня назначили редактором школьной стенгазеты. Поскольку на мои худенькие плечи свалился груз нешуточной ответственности, а редколлегия моя оказалась беззаботной, мне пришлось изрядно потрудиться. Я трафаретил заголовки, рисовал карикатуры, писал за авторский актив различные заметки и даже, войдя в раж, однажды замахнулся на стихи. Помню, про юннатов. Стишки были замечены, преподаватель русского языка послала их в районную газету, а там и напечатали за подписью «юнкор» в рубрике «Нам пишут». Меня зауважали, и это мне польстило. Я стал писать в газету чаще.

— Ты, парень, слышь, чирикаешь в газетку? — остановил меня однажды вредный старикашка с влажными мышинными глазами по прозванию Коршун. Маленький, небритый, пахнувший навозом, склонил ко мне всклоченную потную макушку, надменно ухмыльнулся.

Я что-то бормотнул в ответ невразумительно и шагнул в обход, но он поймал меня за руку и показал глазами на скамью у палисадника. Я, как обреченный, проследовал за ним.

— Садись, — сказал он строго и сам присел на край. — Чирикаешь — чирикай, все не баловство. Глядишь, и в люди выйдешь... А я тебе, парнишка, подарю совет: ищи струю — не брызги... Вы, говнюки, придумали мне кличку, а если разобраться по уму, то вовсе я не в коршуны гожусь, скорее, парень, в сокол! — Он взял меня под локоть и заглянул в глаза, обдав табачным смрадом. — Смотри сюда, не жмурься. Я о себе расскажу, а ты рассуди, где струя, где брызги...

Нужен был он мне со своими струями и брызгами!

Мы, детвора, давно и крепко не любили Коршуна. Весной в сельпо списали ящик сигарет и, не подумав о последствиях, бросили в разрушенный подвал. Мы решили «испытать» курево на годность. Закрылись в туалете, разорвали пачку с желтыми от сырости разводами. Коршун шел проулком с конного двора, увидел дым столбом над туалетом, подкрался, как лазутчик, закрыл нас на вертушку. Когда мы обнаружили себя в коварной западне, было уже поздно — матери пришли. А они в вопросах педагогики были не сильны и применили к «испытателям» дедовские методы воздействия... И еще за то мы не любили Коршуна, что он, работая объездчиком, размахивая плетью, шугал нас, словно зайцев, с гороховых полей.

— ...Я в должности механика-водителя всю войну прошел. Курск, Житомир, Киев, Перемышль освобождал. — Коршун выпустил мой локоть и, загибая пальцы на руке, стал перечислять, брызгая слюной. — Бреслау, Дрезден занимал. Днепр форсировал и ...эту — Шпрея называется! Штурмом брал

Николай Коняев родился в 1954 году в п. Нялино Ханты-Мансийского района. Окончил Омский филиал Всесоюзного финансово-экономического института. Рассказы печатались в областной периодике, в журналах «Урал», «Крестьянка», в коллективном сборнике «Действуйте по обстоятельствам» (Средне-Уральское книжное издательство). В 1992 году заканчивает заочное отделение Литературного института им. Горького, где занимается в семинаре прозы Анатолия Приставкина. Живет и работает в Ханты-Мансийске.

Берлин!.. Коршун или сокол? Польшу, Венгрию, и Австрию с боями переехал. На параде Победы шел в сводном полку знаменосцев Покрышкина! А сколь орденов у меня! Одной Красной Звезды три награды. Медали не считал. Так коршун или сокол? Эх, вы, говнюки! Вот о чем писать-то! А ты что? Про юнна-атов! Зайди когда-нибудь, такое расскажу — за жизнь не перепишешь.

Опять я что-то бормотнул и глянул недоверчиво на деда. Уж больно скучный, серый его вид не соответствовал образу бесстрашного танкиста в моем воображении. Я не собирался к Коршуну с визитом, и он прекрасно это понимал.

— Эх вы, говнюки-и! — Встал со скамьи, махнул рукой, пошел через дорогу.

Кабы ведал он тогда, что мне приходилось писать о нем под диктовку бабушки! Но не в районную газету для рубрики «Нам пишут» и не о ратной славе бывшего танкиста, а жалобы на имя председателя Совета...

Случалось, приходил домой, а бабушка отхаживала вялого гусенка.

— Изверг! Паразит! — стонала и грозила кому-то кулаками. — Опять злодей гусенка загубил!

...Гусыня с выводком обычно паслась на бережку у озера. Бабушка вязала или вышивала, сидя под талинами в тени, случалось, засыпала ненадолго, а проснувшись, видела порой гусенка изувеченным или вовсе не досчитывалась нескольких. Подозревала Коршуна.

— Он, душегубец. Он!

— А, может, бабушка, всамделишный коршун налетел? Ты же ведь не видела.

— Кабы, внучек, видела. Если бы увидела, я б ему, вражине, зенки поцарапала!. Он. Не сомневайся. У него об эту пору гусиная болезнь. Люто гуся ненавидит.

— Почему?

— Он мальчонкой в гусепасах пробивался. Видно, тешился мечтой о табуне, но гуси не прижились у него... То не выведет гусыня, то собаки подерут, то разом передохнут. Бился-бился — отступился, а злость, видать, осталась, перешла в болезнь... Все! Лопнуло терпение. Садись, внучек, пиши!

Я садился и писал под диктовку бабушки:

— Председателю Совета... Заявление... Прошу вас притянуть к строгому ответу моего соседа Коршуна за изуверство над гусятами...

Я записывал фамилии сельчан, у которых Коршун раньше изувечил или порешил нескольких гусят...

Бабушка, диктуя, выпускала пар, и под столбцом фамилий на бумаге появлялась краткая дописка: «Можно не сажать злодея в заключение, а ударить штрафом по карману».

Я составлял бумагу, зная наперед, что хода ей не будет. То председатель сельсовета был в отъезде, то выпадало воскресенье. Бумага, сложенная вдвое, ложилась под клеенку на столе...

Я так и не поверил бы в гусиную болезнь бывшего танкиста, если бы не случай. Приболела бабушка, и я был снаряжен взамен ее на озеро. День выпал солнечным и жарким. Я накупался вдосталь, лег ничком на ласковый мурок, изредка поглядывал на гусиный выводок, двигавшийся медленно к дороге, по которой скотники ездили на ферму, а Коршун — на поля. Мне бы повернуть несмышленных к озеру, но, разомлев от зноя, я был не в состоянии заставить себя встать. Моя гусыня между тем вышла на дорогу, и коlobки-гусята шустро покатались за опрометчивой мамашей. В это время случай вынес из проулка Коршуна, верхом на рыжей кляче. Старик пустил кобылу рысью, проехал мимо табунка, но вдруг остановился. Привстал на стремена, обвел вокруг глазами. Конечно, он меня увидел, но посчитал,

что сплю. Он взялся за поводья и повернул назад. Гусыня, видимо, почуяла опасность, и, растопырив крылья, выгнув шею, пошла отчаянно на всадника... Но было уже поздно. Коршун, озираясь, занес над головой знакомую мне плеть и прежде, чем я вскрикнул, с силой опустил ее на выводок. Гусыня взгоготала, распласталась по земле. В дорожной серой пыли слабо трепыхнулся желтенький комочек. Гусята врассыпную бросились с дороги...

Приладив плетку за луку, ударив каблуками по бокам кобылы, старик пустил ее широким плавным махом, склонился над загривком. Я видел только спину. Сгорбленную, серую...

Когда я повзрослел, то много размышлял о его судьбе. Все было у него для беззаботной жизни: дом, здоровье и достаток. Недоставало малости. Самой малой малости. Но был ли счастлив Коршун?

Когда-то он просил написать о нем. Я и написал. Но, сказать по совести, до сих пор не разобрался, что в его судьбе — струя, что — поток, что — брызги.

ФРОЛЫЧ И БОЛТУН

Столяр домоуправления Егор Андреич Бородулин объявил по пьянке забастовку. Всерьез и надолго настроился. Спозаранку за столом. В просторных серых валенках, трусах, несвежей майке. На покрытой чахлой волосней груди бледная наколка — пунктирный контур голубя с цветочком в синем клюве. На кухонном столе — замызганное блюдечко с засохлыми комочками селедки, головка репчатого лука, стакан и бражка в трехлитровой банке. Егор Андреич забастовку совмещает с выпивкой. Сам себе компания. Голова с утра трещала, но теперь в порядке...

— А в Заполя-ярье мо-окрыя-я метели, и з-замерза-ает в валенках кан-вой! — Егор Андреич кулаком усердно растирает крупный нос и смотрит на рвки. Руки красные, будто с мороза. — Тетка Любка, подь сюда, раз ты такая вумная!..

Любовь Семеновна, она же — «тетка Любка», затаилась в горнице.

Егор Андреич кривится в нетрезвой ухмылке.

— Презираешь? Презира-ай! Я вас больше, может, презираю... Тыфу на тебя и на Фролыча. Вот и все, сымай верхонки!

Любовь Семеновна стремглав вбегает в кухню. Смотрит на сожителя с печальной укоризной, вздыхает глубоко, с грудным присвистом, руки на бока. Руки — сильные, мужские, с избитыми, в царапинах, локтями, но неприлично белые от соды. Любовь Семеновна уже давно на пенсии, но трудится посудомойкой в городской больнице.

— Глядите на него — разговорился. К разговору помануло немтыря несчастного. От тверезого словечка не дожدهшься, а тут прорвало, видишь, ли, его!

— Пра-ашу без оскорблений личности!

— Эт-та кто у нас тут личность? Не ты ли, пьянь паскудная? Поглядись-ка в зеркало — на кого похож?.. Если, дрянь такая, к утру не отрезвеешь, я тебя устрою на курорт. Там и побастуешь, там тебе бражонки поднесу-ут! Главврач сказал, оформим быстро, было бы желание. Думал, все б тебе сходило? Вынудил за два десятка лет!

С главврачом Любовь Семеновна действительно знакома. Он иногда заходит в кухню, заглядывает в мойку. «Семеновна сегодня? — произносит вместо «здравствуй», — тогда мне делать у вас нечего, давай тогда командуй тут». Любовь Семеновна командует. Она гордится безупречностью в работе и дорожит доверием врача. При нужде, она уверена, всегда найдет к нему подход и встретит понимание.

Егор Андреич тоже не последний человек. Он — столяр-краснодеревщик, и цену себе знает.

— Не выйдет, тетка Любка. Кто ему весною делал рамы в доме? Егор Андреич Бородулин!

— Не выйдет, говоришь? Не выйдет — сдам в милицию. Там давно скучают по тебе. Так и заявлю, что бражку дома ставишь. Сахар переводишь. Сахар, между прочим, пищевой продукт.

— Но, но, словами не бросайся! — Егор Андреич, хмыкнув недоверчиво, косится на Любовь Семеновну. Поди узнай, что на уме. Шутить с милицией он вовсе не намерен...

Сидел Егор Андреич за язык. Точней, за анекдот. Статья 58-я, пункт «Болтун». На все расспросы о своем «болтливом» деле он давно отделяется шуткой: «Сто шестнадцать пополам — были б рядом, дали б вам». Когда и где сидел Егор Андреич, знает только Фролыч — нынешний начальник и бывший конвоир.

Егор Андреич морщит лоб, с тоской глядит на банку с бражкой. Браги там наполовину, но душа не принимает...

— В ментовку ты меня не сдашь. И знаешь, почему? Я тебя за собой потяну. Потаскиваешь с кухни-то, ударница? Таскаешь потихонечку. От кого воруешь? Знаешь, сколько светит?

Неслыханная дерзость! Любовь Семеновна срывается на крик:

— Эт-та я-то тащу? Чтоб язык твой поганый отсох! Чтоб он отвалился! Да что я там тащу-то? Крохи со стола. Другие дак вагонами воруют! — Махнув в отчаянье рукой, она уходит в горницу. — Попрут тебя с работы, — вещает ее голос, — прогульщика такого!

— Я сам уйду куда-нибудь. Не буду с Фролычем работать. Жулик он и аферист.

— Да куда же ты подашься со своею биографией? Кто тебя возьмет? Кабы не пил, а то ведь дуешь, точно лошадь!

...За окном, внезапно скрипнув тормозами, встает автомашина. Дернув острым подбородком, Егор Андреич замирает над столом, вслушивается в уличные звуки. В ограде щелкает калитка, звонко хрустит снег. Без стука входит Фролыч. В высокой рыжей шапке, в черных собачьих унтах, белая дубленка нараспашку. На внушительном носу — хрупкие очки.

— Фролыч, полюбуйся! Зафиксируй пьянку. Увольняйте, хватит церемониться! — вышмыгнув из горницы, кричит Любовь Семеновна.

— Можно и уволить. — Фролыч, сняв очки, с упреком смотрит на хозяина.

Егор Андреич явно в замешательстве, но держится с достоинством. Сидит, закинув ногу за ногу, одной рукой облокотясь на стол, другую положив на спинку стула.

— Садись сюда, начальник. Будет разговор!

— Мне с тобою не с руки за столом рассиживать. Мне еще работа предстоит. Это ты у нас, Егор, человек свободный. Вольный и свободный. Хочешь — поработаешь, хочешь — побастуешь... То ли дело, жизнь-малина! Так ведь, тетка Любка!?

— Чего не так, раз так.

— Что свободный — верно. Хочу — живу, хочу — помру. Это во-первых. А во-вторых, пра-ашу без оскорблений личности. Для кого-то — тетка Любка, для тебя — Семеновна. Пра-ашу усвоить наизусть... Садись для разговора.

— Разговор у нас с тобой состоится завтра. Утром. В кабинете, — уточняет Фролыч. — Сегодня мы друг дружку не пойдем.

— Тогда зачем пришел? Ключ от столярки нужен, да? Тетка Любка, дай сюда! — (Ключи Любовь Семеновна держит при себе) — Я сам ему вручу. Торжественно и чинно.

— Сиди, уж, личность пьяная! — шипит Любовь Семеновна.

Фролыч деланно вздыхает, прячет ключ в карман дубленки.

— Что, скажи, с тобою делать? То работаешь на совесть, то вдруг

забастовку учиняешь. Я ведь выгоню тебя, сколько можно нянькаться? Из-за шкафа обозлился? Из-за шкафа, знаю. Так я верну его. Верну. Отдам по назначению. Хотя, какое твое дело? Деньги получил? Получил сполна. Сидел бы и помалкивал! Вечно ты встречаешь. Задира ты. Болтун!

Егор Андреич угрожающе рычит:

— Не умирают старые привычки?!

— Я не про то. Про то давно забыто.

— А мною не забыто!

— Ну и дурак. Кто старое помянет, тому, как говорится... Я тоже службу проходил не на югах. И мне хватить досталось с вашим братом. Не добровольцем в тундру забурился. Имей же совесть наконец!

— Во-она, как заговорил! Он меня и совестит!

— Я за особистов не ответчик. Я чист перед тобой. Мне сладко было, да? С ножом-то за горбом?

Дальше происходит перепалка на повышенных тонах, густо сдобренная бранью и жаргоном:

— ...Зона... Мертвая дорога... гулдэжэс... фитиль... барак...

— ...колонна... БУР... Пятьсот вторая стройка...

— ...зеленые, ледянка... эмвэдэвцы...

— ...баланда...суки... короли...

— Да вы рехнулись! Оба прекратите! — кричит Любовь Семеновна, тяжело дыша.

— Ведь он заел меня, Семеновна! — жалобится Фролыч. — Ведь он как ржа неотлипучая. Злопамятный, собака! Из года в год одно и то же. Из года в год. Совсем с ума сошел мужик. Ну, явишься ты завтра на работу!

— К тебе? Ни в коем случае.

— Приде-е-ешь, куда ты денешься!

— Ни в жизнь!

— Заткнись, дурак! — кричит Любовь Семеновна. — Тебе на Фролыча молиться нужно, вот! Другой бы кто давно тебя попер.

— А он, Семеновна, добро мое не це-е-енит! Он, Семеновна, добра не понимает!

— Я не нуждаюсь в твоей доброте! Я за ту доброту показушную карманый столяр у тебя. Я ТАМ не пресмыкался! Слышишь? ТАМ!

— Дерьмо-то так и хлещет!

— ...за свою доброту показушную прощенье мое покупаешь?

— Я-явишься в контору! А я подумаю, как быть. Незаменимых у нас нет.

Егор Андреич, опрокинув банку, вскакивает с места.

— С голоду подохну — к тебе не подойду!

— Как миленький, придешь. А я еще поду... — Фролыч пулею выскакивает в сенцы. Вдогонку, в дверь, летит пустой стакан...

До полуночи сидит Егор Андреич за пустым столом. Курит, морщится, вздыхает. Тяжкие минуты отрезвления... Смотрит на часы — пора на боковую. Завтра на работу...

Завтра будет точно так, как предрекали Фролыч и Любовь Семеновна. Егор Андреич явится в контору, Фролыч тотчас вызовет к себе. «Ну что, — он спросит, — нагулялся? Забастовку побоку?» — За стеклами очков блеснут глаза самодовольно. Егор Андреич переступит с ноги на ногу, потупится и буркнет: «Ладно, извиняй».

Великодушно хмыкнет Фролыч, пальцем ткнет на дверь: «Ступай, да больше не чуди. И помни, что обязан». Егор Андреич кашляет, сгорая от стыда и унижения, направится к столярке. А шкаф уйдет налево... Он сделает другой.

Все будет так, как прежде. Надо потерпеть. А куда деваться?

Все будет так, но это будет завтра.

Сегодня же Егор Андреич собой весьма доволен.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Е. Грошева

А. К. Шмелев: Через некоторое время из-за нарушения правил судоходства на Большой Оби затонут катер этой партии, найти его так и не смогли. А чуть погодя и последний экспедиционный катер, присланный сюда, встал: вышел из строя карбюратор. Пока зам. по хозяйству одному ему ведомыми путями «доставал» новый, партия продолжила работу, передвигая свой флот бечевой навстречу течению Оби. Бурлаки на Оби отличались от тех, что сто лет назад ходили по Волге, только тем, что теперь ими были... женщины.

Б. Л. Быховский: Без катера сложнее всего было перебираться на другой берег. Косу-то мы старались растягивать под высоким, там взрывы получались лучше, зепись чище — вот и приходилось с одного берега на другой прыгать. Ловили проезжающий катер, договаривались за десятку перевезти бурлачек, а уж баржу они сами перетаскивали.

Конечно, и мужикам доставалось. Кто мне здорово тогда запомнился — буровая бригада. Ведь мало того, что бурили они ручным бурением, нам тогда запретили стрелять из воды и заставляли, чтобы по прямой линии и с выносом от уреза воды. Вот и таскали копер буровой с оборудованием всем на руках за двести-триста метров. После этого — бурить, опустить заряд, потом со всем этим добром вернуться в лодку, погрузить — и на новую стоянку.

Если материал шел, работали сутками, ни о каких сменах не было речи. Знали, что погоды может не быть, или солярка или взрывчатка кончатся — про запас работали. Безусловно, сравнить с той производительностью, что сейчас, трудно, но все равно мы умудрялись по семь километров в день делать, по десять-одиннадцать стоянок. Поздравительные телеграммы получали из Ханты-Мансийска.

А геодезисты — Гоша Яблонский, Фридрих Неустроев — нас обеспечивали вот так! Тоже работа не для всякого... Я, например, и сейчас болот боюсь, один ни за что не пойду, только если с компанией.

В. А. Гершаник: Геодезисты уже в пятьдесят первом году работали отлично, знали, какие места нам надо.

Ф. В. Неустроев: Я по образованию торфяник. Не эксплуатационник, а разведчик. До экспедиции работал на осушении болот по области — вот там было действительно очень трудно: походи-ка целый день по болоту! Да мокрый, да гнус... Но нравилось — не нравилось, а работать надо. А в экспедиции — чего не работать? Я в пятидесятом к Шмелеву в Тобольскую партию пришел. На юге мы, в основном, придерживались дорог. Ну, если по залесенной части идешь, там прорубишься, чтобы выдержать прямой интервал между пунктами взрыва. Из-за рубки у меня человек пять в отряде было. А в Хантах мы вдвоем со старшим рабочим: в пойме работали, там леса не было, чистые места.

Вот только камыш здорово мешал. Мы его и косить пытались, и тяпками рубили, и топтали, даже катались на нем — приминали... На Ендырской протоке вчетвером так-то — там еще и рубить надо было. А кончилось тем, что подожгли его. Не специально. Нам надо было репер поставить, ну, решили место для него выжечь, и не заметили, как огонь от нас ушел и пошел полыхать. Мы тушили-тушили — ничего не получается,

пластает вовсю. А сзади нас сейсмики, баржа со взрывчаткой. Как раз на этот момент не оказалось у них катера, так они на руках ее перетаскивали.

Б. Л. Быховский: Здорово полыхало, вся правая сторона Ендырской протоки выгорела, самолет пожарников прилетал.

Ф. В. Неустроев: Работа на ногах целый день. И все на себе. Как-то восемь человек нас пошло в тайгу и пятьсот килограммов груза на себе потащили. Конечно, постепенно. Раскидали по профилю и постепенно перетаскивали. Идешь — вперед рубишь. Вечером заканчиваешь работу — вернулся на базу. Утром берешь рюкзак с грузом и идешь туда, где закончили вчера. Дотуда дотащил, оставил, сам пошел работать дальше. И так груз по профилю лежал, постепенно его подтаскивали, пока не съели. Это летом было, у нас палатка, да печка еще, спальники даже с собой не брали, только чехлы да вкладыши, основной-то груз — продукты.

Иногда катер нам давали, но, в основном, все пешочком. Зимой — на лыжах. Ни лошадей, ни оленей. Ну, подвезут где-нибудь на лошади, или трактора забросят, а так все на ногах с начала месяца и до конца. На выходные возвращаемся на базу, отгуляем и опять в тайгу, и опять месяц без перерыва. Ежемесячно возвращались, потому что и себя в порядок привести надо и, главное, наряды сдать.

Б. Л. Быховский: Доставалось всем: трактористу (у нас был Дима Патрохин — опытный тракторист, толковейший!), взрывникам, а повару в полтора раза больше, чем другим, потому что она до того, как всем встать, уже приготовит завтрак. Трудно кого-то выделить особо, вот если наоборот...

Нам на исправление прислали товарища одного после заключения. Вот утром вставать, а они изволят спать: «Начальничек, я еще посплю!». А у нас все, кроме операторов, на сдельщине бригадной (или котловой, как это тогда называлось). Я ребятам вскользь говорю: «Глядите, это же вас наказывает». Они отвели его в сторону, поговорили (уж что был за разговор, я мог только догадываться), и с завтрашнего дня новенький как все на работу выходил — исправился! У нас же коллектив небольшой был, человек двадцать пять, на виду все. Трудягами мало назвать — сверхтрудяги были.

Зарабатывали немного. В нынешние цены перевести — начальник партии Кузнецов — шестьдесят шесть рублей, рабочие — сто, со всякими добавками — максимум сто двадцать. Это сейчас смешно просто, а тогда работали и никто не жаловался, не было рвачества.

Только одна женщина все экономию наводила на собственном желудке. Питалась селедкой и черным хлебом, даже в котлопункт с нами не входила. Хотя это было очень дешево тогда. Порой и вовсе даром: дичь, рыбу сами добывали. Приходилось. Зарплату трест присылал от случая к случаю, периодически вся экспедиция оставалась без всяких денег. И если бы не местное население... Сначала казалось тяжело ходить с протянутой рукой, потом привыкли, потому что встречали нас с пониманием. Если могли помочь — все делали. В Сытомино председатель колхоза дает дяде Саше (наш завхоз — по фамилии Сеитов) продукты и говорит: «Вот хлеба у меня нет... Но вот вам деньги — на хлеб, на масло». — «Возьмите хоть расписку!». — «Зачем?».

Хлеба постоянно не было. В колхозах в долг давали молока и мяса, в магазинах — водку. К ней, в качестве закуски, можно было взять и хлеб. Водку за борт не выливали. Сначала пили уже в бане (на отдыхе в любой деревне прежде всего шли мыться), но это было опасно: на обратном пути до баржи не все доходило. Провели еще собрание, постановили отныне пить только дома, на барже. Брали, правда, немало: ящик-два. В выходные намоемся и собираемся все на барже. Не то что традиция или тянуло, а так... Молодые, веселые, но хотелось, чтобы еще веселее. Как ни странно, с баржи не падал никто, сколько я на воде ни работал. Иной раз смотришь, идет к трапу — амплитуда метра два! А трап узкий, сантиметров тридцать—сорок, никаких лееров нет. Заходит

на трап — это надо так уметь держать равновесие! Поднялся на баржу — все, пожалуйста, его опять раскачивает!

Нет, один раз упал дядя Саша, причем, совершенно трезвый! Он отправлялся за продуктами. Подходит к этому трапу, на ходу дает последние директивные указания, что и как без него делать, и так, спиной, начинает спускаться, конечно, промахивается, ставит ногу не на трап, а в воздух и падает!

Вообще хороший мужик. Снабжал нас по мере всех своих сил и возможностей. Он потом и в Березово с нами работал. Учет долгов вел строжайший. Потом, когда деньги появлялись, объезжал все пройденные нами деревни и расплачивался со всеми.

А. К. Шмелев: За погашением долгов всегда следили очень строго. Во всех партиях. Не было ни одной жалобы на неуплату долга.

Задержки зарплаты, конечно, никого не радовали, но относились люди к этому терпеливо, с пониманием.

М. К. Кузнецова: Умели обходиться. Продуктов в долг набирали. Хотелось, чтобы красиво, уютно было — вышивали скатерти, салфетки, накидушки. И когда? Вечерами, при керосиновых лампах. А если Александр Ксенофонович расстарается, достанет где-нибудь денег да раздаст рублей по пятьдесят, так мы еще и гостей соберем!

А. К. Шмелев: «Доставалось» по-разному. У меня в сейфе хранились облигации некоторых работников экспедиции, я их регулярно проверял. Вот однажды сразу пять облигаций Пани Богдановой выиграла по пятьсот рублей каждая. Я, прежде чем Пани о выигрыше сказать, начинаю намекать, что, вот, если бы выиграла она сто рублей... Запросы были скромные, Пани и ста рублям радуется. А если бы — двести? Радость вдвойне. Пока дойдем до пятисот, получается, что этой суммы на все и про все хватит — предел желаний! Ну, тут уж я предлагаю «лишние» две тысячи отдать в кассу, на всех понемногу, и Пани говорит: «Ну, конечно!».

И. П. Шмелева: Денег как раз давно не видели, с радости устроили складчину. Собираться все любили. Стол, конечно, не был ни богатым, ни изысканным, но нас это мало огорчало, мы и не замечали. Больше всего любили петь. Лучше всех пел Виктор Гершаник, он вполне мог бы быть солистом оперы. Его послушать — уже праздник. Признанной солисткой камералки была Клава Чунина. Пела она и современные песни, и романсы, но больше всего любила классику. Однажды из-за классической музыки у нас получилась странная такая ссора... Она посреди работы вдруг заявляет: «Нет, среди русских не было великих музыкантов. Вот немцы!..» Я возмутилась: «Клава, ну что ты говоришь?! Возьми хоть Чайковского...» — «Ну, а что Чайковский? Он просто талантливый был. А Бах, Бетховен — гении!». Я взялась спорить, и она ужасно на меня рассердилась. Если учесть, что она — русская, а я немка, совсем странно получается...

Собираться всем вместе, конечно, удавалось нечасто, в основном между сезонами, как раз в октябрьские праздники и на первое мая, поэтому эти праздники все любили, и праздновали от души.

А. К. Шмелев: Летний полевой сезон заканчивался в сентябре. К этому времени уровень воды понижался настолько, что берега возвышались над рекой на девять-десять метров. Взрывы приходилось выносить все дальше от линии наблюдения и увеличивать вес зарядов, что резко ухудшало качество полевых геофизических материалов. Холодные ночи, затяжные дожди ухудшили и без того тяжелые бытовые условия. Все возвратились на базу. Началась подготовка к новому, зимнему, полевому сезону.

За лето пятьдесят первого года первая сейсмопартия Кузнецова прошла региональный профиль длиной около двухсот километров от Ханты-Мансийска до деревни Высокий Мыс. По результатам этих работ установлено, что мощность осадочных пород в районе Ханты-Мансийска — три тысячи метров,

на восток мощность увеличивается до трех тысяч четырехсот метров у деревни Тундрино, зато дальше идет подъем кристаллических пород фундамента до глубины три тысячи двести у деревни Высокий Мыс. А это уже основание для проведения более детальных работ, тут можно искать...

И. П. Шмелева: Но когда в тресте узнали, что подъем выявлен по забракованным материалам — возмутились. Прибыла инспектриса, сразу сказавшая мне: «Когда мы узнали, что выводы вы сделали по забракованным материалам, мы очень долго смеялись!». Свою правоту я все же доказать сумела...

А. К. Шмелев: Но забракованный участок профиля пришлось на следующий год повторить. На этот раз его прошла партия Гершаника, оператором опять был Быховский. Поднятие подтвердилось. В зиму пятьдесят седьмого-пятьдесят восьмого годов сейсморазведочная партия Николая Михайловича Бехтина произвела здесь площадные работы. Инженер-интерпретатор Евдокия Владимировна Бондаренко составила первую карту Усть-Балыкского поднятия. Потом пришли буровики. В декабре 1961 года была получена первая большая нефть Сургутского свода.

А. В. Кузнецов: Мы тогда не знали, что, это — вал, структура первого порядка, но уже появилась надежда, что нефть будет. Потом оказалось, что мы на нефти топтались в самом Ханты-Мансийске. Структура была маленькая, метров пятьдесят, мы ее подсекли первыми профилями, но при тех методах обработки не могли выявить. И по городу же профилей не было. Идти по нагорной части тоже не было возможностей. Как-то оконтурить, выделить нельзя было. Там же бурилась скважина опорная, но она не дошла до фундамента метров пятьсот — не повезло! На десять лет нефтеносность Западной Сибири была бы открыта раньше. Может, тогда не пришлось бы осваивать такими большими силами, так спешно, может, был бы более хозяйский подход.

А. К. Шмелев: Вторая сейсморазведочная партия Гершаника проводила площадные работы по протокам левобережной поймы Иртыша от Ханты-Мансийска до Оби. Была она все время близко от базы и отработала сезон без особых приключений.

В. А. Гершаник: И без меня. Летом я ушел в отпуск, затем три месяца учился в Москве. Здесь, наконец, привел в систему знания. Вернулся в Ханты-Мансийск, Шмелев раздеться не дал, тут же посадил на трактор и отправил в Ахтинку.

А. К. Шмелев: Шла подготовка к зимнему полевому сезону — тут каждый день дорог!

За лето на участке промбазы построили механическую мастерскую — в самую первую очередь: без нее нельзя было эксплуатировать катера, лодки, баржи (из пяти катеров два были сильно изношены и ремонтировались после каждой поездки), готовить к зиме трактора. Подготовили площадку под строительство склада взрывматериалов, в промартели заказали десять балков на тракторных санях для зимних сейсморазведочных работ, здание конторы, камерального бюро и геофизической мастерской по собственному проекту и стотонную баржу. На самом надежном катере с арендованной баржей сделали рейс в Тюмень за материалами, оборудованием и продуктами. Получили три новых морских катера — солидные дубовые корпуса, осадка почти полтора метра, полное навигационное оборудование, с автономностью плавания семеро суток, а двигатели — нефтянки, — всего по двадцать лошадиных сил. Сначала отдали по катеру каждой сейсморазведочной партии, что не только улучшило обеспечение работ тягой, но и несколько облегчило бытовые условия сейсморазведчиков: в каждой партии появилось по теплой каюте. С комфортом там расположились радиостанции: на катерах для них были отведены специальные рубки. Но вскоре пришлось заново делить имущество: в экспедиции образовывались новые партии.

В сентябре прибыли три электроразведочных и три гравиразведочных отряда, переданные из Тюменской геофизической экспедиции по приказу треста. Возглавили новые методы молодые специалисты: электроразведку — Дина Павловна Федорова, гравиразведку — Октябрина Викторовна Рыбина.

О. В. Шкутова (Рыбина): Начальником гравиразведки! До сих пор не понимаю, как я тогда могла согласиться на это, и чего тут больше — нахальства или наивности? А все Саша Шмелев (для меня он оставался Сашей, потому что я знала его по институту), сила убеждения у него такая, что он и столб сумеет уломать! Я ведь и распределена была не сюда вовсе, и не хотела в Западную Сибирь, боялась ее... Как он красочно расписывал свой Ханты-Мансийск: «Северная Швейцария!». Я прийти в себя не успела, а уже тут же, в Новосибирске, где он перехватил меня и выменял на молодого геолога, распределенного к нему в экспедицию, взялась за составление проектов.

Сотни планшетов, на которых болота без конца и без края, тайга, тайга, тайга, таежные речки, извилистые, с заболоченными берегами, редкие зимники и еще более редкие населенные пункты — мелкие деревушки, часто нежилые или состоящие из одной охотничьей избы. По гравиметрии намечались профили преимущественно широтного направления, большой протяженности, приуроченные к редким путям передвижения и рекам. Представление о том, как будут выполняться эти работы, было как у меня, так и у Шмелева, крайне туманное.

В это время произошло мое первое знакомство с начальником Тюменской геофизической экспедиции Уманцевым. Дмитрий Феодосьевич оказывал нам помощь в составлении проектов, давал советы, с чего начинать. Он был нашим шефом, старшим товарищем, у которого уже был опыт проведения работ в Западной Сибири.

Наконец, проекты были составлены, утверждены и начался следующий этап нашей деятельности — организация. Шмелев поручил мне лететь в Тюмень, принимать от Тюменской экспедиции гравиразведочные и электроразведочные отряды, которые передавались нам полностью: и люди, и снаряжение. Должны были ехать операторы-гравиметристы: Яков Чусовитин, Юрий Михайлов, Вася Негеля и Женя Пунаев. Из них только Вася Негеля имел специальное образование: закончил Киевский геологоразведочный техникум. Остальные совсем еще молодые ребята, вчерашние школьники. Электроразведчики — Петр Набоков и Евгений Леликов — более солидные, знающие свое дело люди. Был переведен еще электроразведочный отряд Анатолия Бисерова, но он и до этого вел работы в районе Ханты-Мансийска.

Электроразведчики успели уехать водным путем по Туре, а гравиметристы, занятые ремонтом аппаратуры после полевого сезона, задержались. Тем временем испортилась погода, начались дожди, мелкие, морозящие, иногда со снегом. Навигация на Туре кончилась. Осталась одна ниточка, связывавшая с Ханты-Мансийском — авиация.

В пятьдесят первом году авиасвязь с Ханты-Мансийском осуществлялась самолетом АН-2В, который брал девять-десять пассажиров и летел до Ханты-Мансийска три-четыре часа. При хорошей погоде выполнялся один рейс в день. Мы ждали ее чуть не три недели, вылетели в самом конце октября.

А. К. Шмелев: Реки могли встать со дня на день, надо было срочно отправлять отряды на исходные пункты маршрутов. Отряды были полностью укомплектованы кадрами, в достатке было аппаратуры, материалов, оборудования для зимней работы. Но люди приехали в летней спецодежде (ботинки и хлопчатобумажные костюмы), уже отработавшей сезон в тайге. Кроме того, Тюменская экспедиция не выплатила им зарплату за два-три месяца, так что и купить себе другую одежду они не могли, бродили по Ханты-Мансийску оборванными и полуголодными.

У нас на складе есть продукты, в полном достатке зимняя спецодежда

(или прозодежда, как она тогда называлась), но по правилам тех лет прозодежда отпускалась работникам только за наличный расчет. Главный бухгалтер Турчанис категорически запретил отпускать со склада гравикам и электроразведчикам прозодежду и продукты в погашение долга Тюменской экспедиции. Касса нашей — тоже пуста, тоже задолженность за два-три месяца и трест только обещает при первой возможности подкрепить наш расчетный счет.

Начальники электроразведочной и гравиразведочной партий, Дина и Октябриня, взяли бланки платежных ведомостей, повели своих работников на склад, одели и обули каждого, а стоимость прозодежды оформили в ведомости как выданную зарплату. Потом получили на свой подотчет продукты и передали начальникам отрядов по долговым распискам. За два дня отряды были отправлены (на морских катерах «Гравик» и «Электроразведчик»), и только тогда начальники партий явились к главному бухгалтеру подсчитать итоги обеспечения отрядов.

Когда Турчанис узнал, что, несмотря на его запрет, люди все получили со склада, гневу его не было предела. Конечно, он понимал, что в «операции» замешаны не только молодые начальники партий, но обрушился именно на девушек. Обвинил их в растрате государственных средств, грозил милицией и прокуратурой, но вынужден был принять платежные ведомости.

О. В. Шкутова: Но зато арестовал мою зарплату, требуя ведомости с росписями людей за полученную прозодежду. Я в получившейся ситуации не догадалась их взять. Пришлось слать радиogramмы в отряды с просьбой выслать мне эти ведомости. А как выслать — общение с отрядами прервано: ледостав. Ждали, пока откроется санный путь. Еще два месяца перебивалась займами.

А. К. Шмелев: Зимой пятьдесят первого-пятьдесят второго годов в Ханты-Мансийской геофизической экспедиции работали четыре полевых партии: трехотрядные гравиметрическая и электроразведочная и две сейсмопартии.

О. В. Шкутова: Передвижение гравиметрических отрядов должно было проходить по зимникам, обозначенным на топокартах. Маршруты и планировались, исходя из этих зимников. Транспорт — по обстановке. На профиле Перегребное — Ивдель — олений (в Перегребном оленеводческий совхоз), профиль Шеркалы—Шаим частично совпадал со старым зимником, которым возили местную рыбу на ярмарку в Ирбит — его думали отработать на лошадях. Детальные работы под Ханты-Мансийском — тоже на лошадях. Этому отряду было легче других, зато и состоял он из одного человека: Вася Негеля был за оператора, возчика, рабочего и начальника. На сани, запряженные лошадей, ставился гравимерт, аккумуляторы, и «отряд» трогался в путь, каждый вечер возвращаясь домой. Зимой темноло рацо, и Вася, чтобы удлинить рабочий день, на дугу пристроил шестивольтовую лампочку с плафоном и от аккумулятора освещал дорогу. Неясно было, помогало ли это лошади, но оператору явно помогало.

Работа этого отряда проектировалась до февраля. Потом, по утвержденному плану работ, из Новосибирска должен был прилететь самолет ПО-2, с его помощью Негеле предстояло отрабатывать сеть опорных гравиметрических пунктов. Но самолет не прилетел. Негеля продолжал площадные работы на левобережной пойме Иртыша, пройдя по всем тропочкам, тропам и дорогам. Исследования были выполнены от одного опорного пункта, которым начинался и заканчивался каждый рейс.

Перегребинский и Шеркалинский гравиметрические отряды приступили к съемке лишь в конце декабря.

(Продолжение в следующем номере).

КАК ПОСТРОИТЬ ЛОДКУ

Для изготовления плоскодонной деревянной лодки грузоподъемностью около тонны необходимы семь пятиметровых досок шириной по 25 см при толщине 2 см и полтора килограмма 75 мм гвоздей толщиной по 3 мм. Доски должны быть гладко выструганы и хорошо выравнены.

Выбирают три доски, по возможности без сучков, и, придав им сигарообразную форму, сколачивают дно (рис. 3,А). Затем из бревна вытесывают киль, а из березовых сучьев заготавливают три распорки: одну — шириной 75 см с развалом кверху до метра и две —

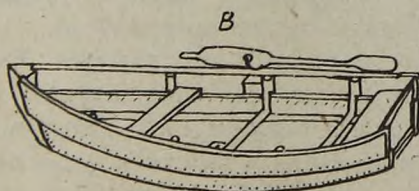
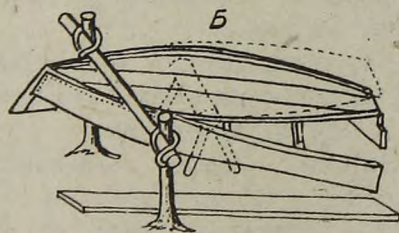
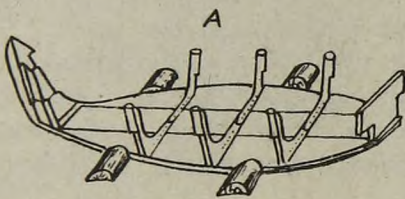
поуже, соответственно ширине днища лодки, на расстоянии метра от носа и от кормы. Из доски толщиной 3—4 см делают корму.

На киле, корме и распорках вырезают зарубки, равные по глубине толщине досок, а по длине — на 5 см меньше их ширины. В результате нижние бортовые доски своими ребрами заходят на 2 см ниже днища, а верхние бортовые доски — на нижние на 3—5 см.

После этой подготовки киль, распорки и корму прибивают к днищу. Затем лодку переворачивают (рис. 3,Б) и под нее, отступя на полтора метра от киля, подставляют узкие козла, а носовую часть сверху фиксируют жердью.

Затем, нажав на корму, дну придают желаемый прогиб (на 10—15 см от плоскости дна) и прибивают с боков нижние бортовые доски, а затем верхние. Доски эти крепят надежно, забивая гвозди через каждые 10 см и загибая вышедшие насквозь концы. После этого, пока доски сухие, все щели в лодке конопатят паклей и заваривают их битумом-варом (черной вареной смолой).

Готовую лодку на середине оснащают двумя веслами (рис. 3,В) на стальных вилкообразных уключинах, шарнирно укрепленных на веслах болтами. На этой лодке можно плавать и с подвесным мотором.

На рис. изготовление плоскодонки. А — сборка дна, Б — прогиб дна и обшивка боков, В — готовая лодка.

РУБИНОВЫЕ КАПЛИ

...Неожиданны лесные встречи.

Я шел по свежему лосиному следу, надеясь сфотографировать сохатого. Однако здесь, в горах, рано выпавший снег образовал глубокие наметы, в которых утопали даже мои охотничьи лыжи.

Морозно было. Остановился. Тихо, словно все вымерло. Растираю шерстяной рукавицей щеки, а сам внимательно смотрю на склон древней горы.

Небо чуть прояснилось, и в мутную небесную полынью проглянуло негреющее солнце. И разом из низко нависшей тучи, как из дырявого сита, сыпанул снежок, заткав всю даль сверкающими парчевыми нитями. Взглянув еще раз на склон горы, я вдруг заметил проступившие на белом красноватые пятна.

«Неужели волки напали и ранили лося?» — мелькнула тревожная мысль. Подымаюсь выше по склону. Но крупные, глубокие следы сохатого неожиданно поворачивают резко вправо. А передо мной — огромные серо-однообразные заросли шиповника: полужанесенные снегом колючие кустики тянутся и тянутся вдоль склона, перемежаясь каменными валунами, валежником.

Невольно представляю, какое тут стояло в июне благоухание, какой был разлив розово-красных и пурпурных красок самых нежнейших оттенков. А потом созрели крупные и многочисленные плоды...

Их и сейчас тут много. Ловлю своим «Зенитом» в кадр унизанную иголками—шипами веточку с повисшими на ней рубиновыми каплями. Отличный будет слайд!

...В зимовье, растопив в котелке снег, я бросил в кипяток несколько горстей подмороженных плодов шиповника. Чай получился ароматный, приятный на вкус.

Встреч с лесной розой у меня было много. Как-то на высоком берегу Оби мне попался огромный, едва ли не в полтора человеческих роста, пышный куст дикой розы, сплошь покрытый ярко-красными цветами. Здесь, на речном приволье, образовались целые заросли шиповника, который сейчас цвел то белыми, то кремовыми, то густо-розовыми бутонами. Но среди них пламенеющий куст выделялся, как надменная царица среди своей робкой свиты.

— А знаете, сколько всего на свете видов дикой розы? — спросил мой спутник-биолог.

Я был поражен: только в СССР их насчитывается шестьдесят четыре (а в мире — около четырехсот!). Причем, многие из них резко отличаются друг от друга, есть даже лианоподобные и стелющиеся! Ботаники к тому же насчитали массу разновидностей, форм и рас: больше тысячи.

На самом деле трудно поверить, что растение, вьющееся по деревьям на высоту до семи метров, принадлежит к семейству роз-шиповников. Но это так.

Столь же неоднородно и содержание витаминов в цветах и плодах.

Биологи-ученые заметили: если созревшие орешки имеют чашелистики, направленные вверх, то они богаты витамином «С». Когда же на месте отпавших чашелистиков остается пятигранная маленькая платформочка, то плоды лучше всего использовать для выработки лекарства «холосас». Кстати, медицинской промышленности все больше и больше требуется плодов шиповника.

Но и распространен он повсюду. Любит этот колючий кустарник любую почву, кроме болота, солнце и простор. На Севере плоды вызревают столь же успешно, как, допустим, в средней полосе России. А селится в «полуночных краях» дикая роза чаще всего по возвышенным местам, пригоркам, речным крутояркам. Немало ее и по вырубкам, где шиповник соседствует с малиной.

...Охотнику, лесорубу, рыбаку никак не обойтись без бодрящей силы витаминных капсул.

В. Назаров

Фото Л. Березницкого.

